

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Байбурова О.Р., Степаненко К.А.</i> КРЕДИТНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ.....	7
<i>Бурикова С.А.</i> ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНТРАСТНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ДЕЛОВЫХ КУЛЬТУР.....	14
<i>Великая Е.В.</i> ДИКТЕМА КАК ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И ЕЕ ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ: ПРОСОДИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СТИЛИЗАЦИИ ДИКТЕМЫ.....	25
<i>Дмитренко Т.А.</i> ОВЛАДЕНИЕ НОРМАМИ РЕЧЕВОГО И НЕРЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ.....	38
<i>Леви Ю.Э.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	45
<i>Паршутина Г.А.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОПЛАНОВИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛОВ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ.....	53
<i>Попова С.Н.</i> КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....	63
<i>Шевлякова Д.А.</i> ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖФАКУЛЬТЕТСКОГО КУРСА «КУЛЬТУРА ИТАЛИИ СКВОЗЬ ВЕКА: ИСКУССТВО ЖИЗНИ».....	70

CONTENT

<i>Baiburova O.R., Stepanenko K.A.</i> CREDIT-RATING SYSTEM OF ACADEMIC PERFORMANCE EVALUATION AS INTEGRATION TOOL AT EDUCATIONAL SERVICE MARKET.....	7
<i>Burikova S.A.</i> TYPOLOGICAL CONTRAST OF GERMAN AND RUSSIAN BUSINESS CULTURES	14
<i>Velikaya E.V.</i> DICTEME AND ITS PROSODIC FEATURES: PROSODIC MARKERS OF DICTEME STYLISATION.....	25
<i>Dmitrenko T.A.</i> ACQUISITION OF VERBAL AND NON-VERBAL BEHAVIOR AT TEACHING FOREIGN LANGUAGES AS FACTOR OF ACHIEVING MUTUAL INTELLIGIBILITY IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION.....	38
<i>Levy Yu.E.</i> THE FORMATION OF TRANSLATION/INTERPRETATION COMPETENCE: PSYCHOLINGUISTIC APPROACH	45
<i>Parshutina G.A.</i> FUNCTIONAL DIVERSITY OF VERBS OF COMMUNICATION IN ENGLISH BUSINESS DISCOURSE.....	53
<i>Popova S.N.</i> COMPUTERISATION AND GAMIFICATION OF SOCIETY: THEIR INFLUENCE ON METHODS OF TEACHING ENGLISH.....	63
<i>Shevlyakova D.A.</i> EXPERIENCE OF CREATION OF AN INTERFACULTY COURSE "CULTURE OF ITALY THROUGH CENTURIES: THE ART OF LIFE".....	70

КРЕДИТНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

CREDIT-RATING SYSTEM OF ACADEMIC PERFORMANCE EVALUATION AS INTEGRATION TOOL AT EDUCATIONAL SERVICE MARKET

В статье рассматриваются актуальные вопросы разработки и внедрения кредитно-рейтинговой системы оценки знаний. Высшие учебные заведения, специализирующиеся на гостиничном и туристическом бизнесе, начинают анализировать зарубежный и отечественный опыт подготовки кадров и составляют свои программы обучения и оценки, учитывая изменяющиеся потребности рынка и глобализацию отрасли. В данной статье мы предлагаем ознакомиться с опытом работы кафедры иностранных языков № 2 РЭУ им. Г.В. Плеханова по формированию конкурентоспособной кредитно-рейтинговой системы оценки знаний.

Ключевые слова: кредитно-рейтинговая система, оценка знаний, рынок образовательных услуг, подготовка кадров для индустрии гостеприимства и туризма, формирование конкурентоспособных обучающих программ в высшей школе для индустрии гостеприимства и туризма

The authors analyze compelling issues related to development and launch of credit-rating system of academic performance evaluation. Higher educational institutes specializing on training students for hotel, restaurant and tourism industry have analyzed international and Russian peculiarities of modern curriculums and new approaches to development of personnel for the hospitality in changing environment and globalization of the industry. This article shows the work experience of Foreign languages Department №2 Plekhanov Russian University of Economics related to development of competitive credit-rating system of academic performance evaluation.

Key words: credit-rating system, academic performance evaluation, educational service market, personnel training for hospitality and tourism industry, development of competitive educational modules for higher institutions for hospitality and tourism industry.

Важное место в оценке качества подготовки студентов занимает система рейтингового контроля усвоения знаний, умений и навыков. Кредитно-рейтинговая схема является одним из центральных положений Болонской декларации (система кредитов по типу ECTS), цель которой – способствовать признанию периодов обучения, проведенных студентами в зарубежном вузе-партнере, путем введения системы перевода кредитов. Как и ECTS-кредиты, кредиты, основанные на трудоемкости модуля, позволяют сделать прозрачными критерии расчета кредитов за модуль и выставления оценки по нему. Поэтому кредиты могут использоваться как инструмент реализации студенческой мобильности. Главные задачи рейтинговой системы состоят в повышении мотивации студентов к освоению образовательных программ путем более высокой дифференциации оценки их учебной работы и в повышении уровня организации образовательного процесса в вузе.

Кредит система – это системное определение всех основных аспектов организации учебного процесса на основе использования зачетной единицы (кредита) в качестве меры трудоемкости учебной работы, способной выразить все составляющие, связанные с организацией учебного процесса. *Кредит* (или зачетная единица) понимается как единица оценки трудозатрат студента по каждому модулю, отражающая объем необходимой для успешного прохождения модуля работы, проделываемой студентом. Трудозатраты на освоение каждого модуля оцениваются по отношению к суммарным трудозатратам на освоение всей программы обучения.

В кредитах выражается:

- полный объем необходимой работы студента для получения степени бакалавра, магистра или доктора;
- объем необходимой работы для завершения годового академического обучения в вузе по программам подготовки бакалавров и магистров.

- объем необходимой работы над каждым курсом относительно к общему объему работы для завершения полного годового академического обучения в вузе.

Назначением кредитной системы является:

- фиксация в количественных единицах степени освоения студентом образовательной программы;
- фиксация индивидуального положения каждого студента в образовательной программе;
- оценка трудозатрат студента на освоение каждого модуля;
- обеспечение прозрачности учебного процесса;
- обеспечение академической мобильности студентов
- прозрачность оценки качества обучения;
- валидность присуждения квалификаций и степеней;
- определение оплаты за обучение.

Впервые кредит – система была введена в США в рамках процесса демократизации образования. В Европе кредитная система используется в качестве инструмента и эффективного способа формирования открытого общеевропейского образовательного пространства. В 1997 году Европейская комиссия разработала систему кредитов ECTS, которая могла быть использована как в рамках одного вуза с целью обеспечения прозрачности учебных планов, четкого отражения структуры курсов учебного плана, учебной нагрузки студента и результатов обучения, так и между вузами.

Существуют различные национальные системы зачетных кредитов и системы кредитов в рамках отдельных вузов или институтов. Наиболее интенсивно система ECTS используется в пяти странах Европы: Франции, Испании, Германии, Италии, Великобритании. В рамках Болонского процесса система ECTS является рекомендуемой системой (понятной всем

участникам процесса) для упрощения перехода из одного учебного заведения в другое, т.е. для повышения мобильности, свободы выбора образовательной траектории европейскими гражданами, а также для повышения конкурентоспособности европейской системы образования. ECTS не заменяет национальных систем измерения трудоемкости и оценки знаний, а служит только инструментом в процессе интернационализации высшего образования. На наш взгляд, рейтинговая система, как один из методов контроля и оценки результатов учебной деятельности студентов, имеет ряд преимуществ перед традиционной системой. Она обеспечивает более объективную оценку, фактически исключая случайность; ритмичность работы студентов в течение семестра; возможность непрерывности контроля; большую вариативность оценки и индивидуальный подход в оценке работы студентов; разрешение конфликтных ситуаций при выводе итоговой оценки; большую возможность для осуществления самоконтроля и самооценки; большую конкурентоспособность лучших студентов при выборе работодателем претендентов на работу.

Суммарный максимальный рейтинг за период обучения складывается из максимального рейтинга предметов, а рейтинг предмета складывается из рейтинга отдельных учебных тем и разделов. Оценка знаний студентов должна быть направлена на интегрированную диагностику теоретических знаний и практических умений. Это важно именно потому, что в реальной деятельности работник целостно актуализирует компетенции, представляющие собой совокупность знаний, умений, опыта, ценностных установок.

Критерии оценки прикладных компетенций включают в себя:

- правильную последовательность выполнения всех требуемых действий согласно требованиям производственного или технологического процесса (технологических карт);

- выполнение действий с соблюдением требований техники безопасности, охраны труда, требований санитарии и гигиены;
- темп выполнения (задается в указании продолжительности времени на выполнение);
- соответствие требуемым моделям поведения (вежливо, своевременно, оперативно и т.д.).

На наш взгляд, диагностические материалы должны быть разработаны на основе профессиональных стандартов и международных дескрипторов уровней обучения в рамках системы ECTS. Разработка современных программ для высшей школы должна быть основана на поэтапном планировании содержания обучения, методов обучения и видов контроля знаний и умений.

Рассмотрим возможный алгоритм разработки системы контроля знаний и навыков на основе профессионального стандарта (для индустрии гостеприимства):

1. Вначале составителям следует ознакомиться с *профессиональным стандартом индустрии гостеприимства и основными критериями оценки трудовой деятельности* в полном объеме.
2. Выделить единицы профессионального стандарта, которые коррелируют с тематикой рассматриваемой дисциплины.
3. Разработать учебно-методический комплекс (УМК) по дисциплине с учетом использования современных материалов для теоретического изучения и методических разработок, составленных с учетом тренировки практических навыков студентов.
4. Определить валидные критерии оценки теоретических знаний и практических навыков обучаемых с учетом профессионального стандарта.
5. Определить корреляцию определенных видов аудиторной и внеаудиторной работы студентов с компетенциями профессионального стандарта на основе отобранных единиц профессионального стандарта.

6. Определить максимальное количество баллов, которые студент может получить за каждый вид деятельности.

7. Изучить международную систему кредитов и квалификаций и дескрипторы разных уровней обучения. Определить, какому уровню сложности обучения соответствует каждый вид работы студента. Следует пояснить, что во многих европейских вузах успешно используется схема обучения, в основу которой положен алгоритм расчета успеваемости студента, исходя из восьми уровней обучения (Европейская рамка квалификаций). Каждый из 8-ми уровней определен набором дескрипторов, описывающих результаты обучения, относящиеся ко всем квалификациям на данном уровне. Как показывает анализ программ зарубежных вузов индустрии гостеприимства, уровень кредита не всегда совпадает с годом обучения. Программа может быть составлена так, что на втором году обучения, студент проходит предметы 3, 4, или 6 уровня сложности.

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений методической работы является составление макета технологической карты студента в рамках балльно-рейтинговой системы в соответствии с перечнем единиц профессионального стандарта. При этом для каждой единицы необходимо разработать методические рекомендации по выполнению практических заданий, сборник теоретических материалов и пакет диагностических материалов, которые могут быть использованы как в обучении и тестировании студентов в высшей школе, так и в системе внутрифирменного повышения квалификации. Приводим фрагмент макета балльно-рейтинговой системы, разработанной для комплексной оценки работы студентов по дисциплине «Иностранный язык для специальных целей».

Фрагмент макета балльно-рейтинговой системы

Семестр	Модуль	Единицы ПС	Максимальные	Вид	Соответствие
----------------	---------------	-------------------	---------------------	------------	---------------------

			баллы/ кредиты	итогового контроля	международному дескриптору уровней обучения
I	1	<i>ЗВ 2.7. «Принимать заказ на проведение массового мероприятия» и т.д.</i>	150	-	2,3,4
	2		150	зачет	
II	1				2,3,4
	2				
III	1				2,3,4
	2				
IV	1				2,3,4,
	2				
V	1				2,3,4,5
	2				
VI	1				2,3,4,5
	2				
VII	1				2,3,4,
	2				
VIII	1				2,3,4,5
	2				

Источник: Составлено автором.

Четкое определение компетенций для каждой трудовой функции позволяет разработать теоретические и практические задания, необходимые для обучения специалистов вне зависимости от видов и места обучения. Формы и методы оценки в рамках каждой компетенции, а также обобщенное описание этих методов позволит каждому образовательному учреждению и отделу внутрифирменного повышения квалификации разработать тестовые задания, наиболее подходящие для их системы подготовки кадров. Единые критерии оценки для студентов и работающих сотрудников индустрии гостеприимства лягут в основу сближения высшего профессионального обучения, внутрифирменных и частных образовательных организаций. Балльно-рейтинговая система контроля усвоения, разработанная для модульной структуры обучения, позволит сблизить вузовские и корпоративные программы обучения. Объединение двух подходов к подготовке кадров в единое целое будет способствовать повышению качества обучения и, вследствие этого, увеличению

конкурентоспособности высших учебных заведений и систем внутрифирменного повышения квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сагинова О.В.* Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности // Вестник Российского экономического университета им Г.В. Плеханова. - Выпуск №1. – М.: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2004. - С. 15-25
2. *Олейникова О.Н., Муравьева А.А.* Профессиональные стандарты: принципы формирования, назначение и структура. Методическое пособие. - М.: АНО Центр ИРПО, 2011. - 100 с.

REFERENCES

1. *Saginova O.V.* Internalization of higher education as a factor of marketability // Scientific newsletter of Plekhanov Russian University of Economics. Moscow: REU publishers, 2004. № 1, pp. 15-25.
2. *Oleynikova O.N., Muravieva A.A.* Professional standards: principles of foundation, development and structure. Methodological issue. Moscow: ANO Centre IRPO, 2011. 100 p.

УДК 81

С.А. Бурикова

Российский университет дружбы народов

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНТРАСТНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ДЕЛОВЫХ КУЛЬТУР

TYPOLOGICAL CONTRAST OF GERMAN AND RUSSIAN BUSINESS CULTURES

В статье обобщаются результаты анализа корпоративного взаимодействия деловых культур Германии и России, описанного в 35 статьях из разных источников на русском и немецком языках, базирующегося на теориях о параметрических моделях культуры Г. Хофстеде и Ф. Тромпенаарса.

Ключевые слова: параметры культуры, корпоративная культура, индивидуализм, коллективизм, фемининность, маскулинность, темпоральный фактор.

The author summarizes the results of the researching the corporative interaction of business cultures of German and Russia, given in 35 articles from different sources as well in Russian as in German. The analysis is based on the theories of parametric models of culture by G. Hofstede and F. Trompenaars.

Keywords: parametric models of culture, business culture, individualism, collectivism, feminism, masculinity, the temporal factor.

В соответствии с параметрической моделью Г. Хофстеде, Германия и Россия имеют разные позиции по большинству культурных параметров. Немецкая культура характеризуется как индивидуалистская, с доминирующими маскулинными тенденциями, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределенности. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти, превалируют феминистские ценности. Приведенные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Наиболее частотной характеристикой корпоративной культуры Германии является ее характеристика по индексу избегания неопределенности. В Германии, как в обществе с высоким уровнем избегания неопределенности, в организациях создаются особенно подробные законы или неформальные правила, которые устанавливают права и обязанности работодателя и наемных работников. Все документы находятся в идеальном порядке, четко прописаны функции и полномочия каждого сотрудника, вся работа выполняется размеренно и качественно. Конкуренция не очень поощряется, главное – строго и ответственно выполнять свои обязанности.

В России люди считают, что они способны решать проблемы и без множества формальных правил. Они в состоянии много работать, если необходимо, но при этом не чувствовать потребности быть постоянно активными.

Внешнему наблюдателю кажется, что в Германии законы и правила ценятся выше, чем человек, для которого они собственно и издаются. В русской действительности любая директива может модифицироваться, преломляться под человеческий фактор: «Закон, что дышло; куда повернул, туда и вышло».

В Германии нарушения любого рода воспринимаются очень негативно и критикуются окружающими. Поведение немцев, определяемое с точки зрения русской нормативной системы как «наушничанье» или «подглядывание», считается вполне приемлемым в немецкой культуре как поддерживающее дисциплину и порядок. «Alles muss in Ordnung sein» – принцип, имеющий большую актуальность в немецкой культуре.

Представители русской и немецкой культур не одинаково относятся к соблюдению имеющихся законов, предписаний и запретов. В России отношение к директивам скорее личностно-прагматическое. При любой возможности «неудобные» законы или правила интерпретируются в пользу конкретной ситуации.

Второй наиболее частотной характеристикой корпоративной культуры является индекс индивидуализма/коллективизма. Как носители индивидуалистских и коллективистских ценностных представлений, немцы и русские по-разному ведут себя, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений. Для них характерно четкое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смешение межличностных отношений и служебных ситуаций не редкость.

Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в правильности, полезности и качественности принятого решения, а не в

соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры – существенная разница в стиле общения со «своими» и «чужими». Разделение на «своих» и «чужих» [10, с. 61] имеет здесь, как отмечает Ю. Рот, функцию поддержания групповой идентичности. При этом граница между «ингруппой» и «аутгруппой» поддерживается переключением регистра коммуникации.

Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Это выражается, например, в чрезмерной опеке иностранных гостей, особой предупредительности к ним. Русским трудно представить себе, что в других культурах, в том числе в немецкой, нормой считается соблюдение равнозначности партнера по коммуникации, независимо от того, иностранец он или нет.

В отличие от русских индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между отношениями внутри группы и вне группы. Они могут одновременно являться членами разных групп, границы между которыми, в вербальном и невербальном выражении, жестко не обозначены. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от нее намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Эмоционально индивидуалисты обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве. Степень первоначальной сдержанности немцев в межличностных отношениях значительно обусловлена нормой разграничения личной и профессиональной сфер. Это значит, что в зависимости от ранга, профессионального уровня или высшей академической квалификации человека, к нему нужно проявлять особое уважение.

Третьим по частоте фактором, используемым для характеристики корпоративных культур, выступает мужской или женский стиль поведения деловых представителей [6; 7].

Руководители немецких компаний делают ставку на достижение конкретных целей. Немцев интересует суть дела. Они предпочитают деловой стиль общения и ведут разговор по существу. Для представителей этой культуры дискуссии и споры необходимы для более эффективного решения вопроса. Уступки – это тот термин, который вообще не существует в их представлении.

Россия же наоборот, являясь представителем деловой культуры с женским стилем ведения деловых отношений, более лояльна и сговорчива. Для ее корпоративной культуры характерно избегание конфликтных ситуаций. Особенностью поведения российских участников переговоров является быстрая смена настроений и установок в отношении партнера: от крайне дружеского расположения до официального, исключаящего любые личные симпатии.

Российская тактика ведения переговоров отличается еще и тем, что она часто в начале переговоров старается занять прочную позицию, характеризующуюся значительным завышением требований. Затем после длительных дискуссий и уступок происходит сближение позиций сторон.

По мнению многих авторов, на переговорах русские ведут себя сумбурно, проявляют жесткость, выказывают эмоции.

В немецкой культуре доминируют маскулинные, в русской – фемининные черты. Немецкий индивидуализм и преобладание мужского начала в культуре – логично дополняющие друг друга, взаимосвязанные качества. Подобное сочетание ценностных установок немецкого общества обуславливает, прежде всего, стремление его членов к независимости и лидерству, настрой на конкуренцию.

Нельзя сказать, что в русской культуре совсем отсутствует настрой на состязательность, но присущие ей коллективистские ценности и особый дух соборности определяют приоритетность человеческих взаимоотношений и высокую значимость сотрудничества в любой деятельности. Как в России, так и в Германии заметно четкое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами. Однако понятия о мужественности и женственности, о разнице между полами имеют свои особенности в сравниваемых культурах. Так, являющиеся нормой русской культуры подчеркивание слабости и особого статуса женщины не типичны и даже оскорбительны в контексте немецкой. Преобладающие в ней мужские ценности накладывают определенный отпечаток на поведение как мужчин, так и женщин.

Степень расхождения русской и немецкой культур по параметру иерархического устройства общества и восприятия в нем неравенства очень существенна. Это, прежде всего, отражается в управленческом стиле, способе организации деятельности, а также в поведении подчиненных. Немецкий руководитель ожидает, согласно принятым в его культуре нормам, индивидуальной ответственности и инициативы в решении проблем от русских подчиненных. Те, в свою очередь, настроены преимущественно на распоряжения и указания собственного начальника, в соответствии с большой статусной дистанцией, типичной для производственных отношений в русской культуре. И, наоборот, немецкие работники очень часто воспринимают традиционного русского руководителя, как лицо слишком авторитарное и недостаточно компетентное. В свою очередь, он расценивает немецких сотрудников, как недостаточно почтительных, слишком самостоятельных и даже как неуправляемых.

Скорость и продуктивность принятия решений в ситуациях русско-немецкого сотрудничества также зависят от дистанции власти и статусной

иерархии, принятой в России и Германии. Полномочиями по принятию решений с русской стороны наделены обычно представители, занимающие высокие должности в своих организациях, и чаще всего это высшие управленцы. С немецкой стороны участвовать в выработке и принятии решений могут компетентные специалисты даже среднего звена. Причиной скрытого или явного конфликта в подобных случаях является разница в статусах, которые вызывает у русских партнеров нежелание общаться с «нижестоящими» немецкими коллегами, а у немецких – недоумение по поводу бюрократических проблем русских.

Для большинства русских время не является жесткой максимой их жизни. Поэтому отношение к нему порой можно назвать легкомысленным, что часто находит отражение во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки для заседаний и т.д. Русский язык позволяет выразить договоренность, например, о встрече, достаточно неопределенно: примерно, около, приблизительно. Русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает делового партнера о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого все распланировано заранее, это просто неприемлемо. Пунктуальность немцев, с одной стороны, относится к известным стереотипам о них, с другой – многократно подтверждается самой жизнью. Соблюдение пунктуальности рассматривается ими, о чем свидетельствуют ситуации сотрудничества с представителями немецкой культуры, как гарантия надежности [1, с. 248].

В оценке немцев неумение планировать свое время и свою деятельность граничит с отсутствием профессионализма, безответственностью и некомпетентностью.

Сверхчувствительное отношение ко времени в немецкой культуре не отвечает русским представлениям о его эффективном использовании. Например, запланированный на определенную длительность семинар или совещание заканчиваются строго согласно регламенту, несмотря на то,

что, с точки зрения русских, обсуждаемые вопросы были искусственно «растянуты» и не требовали такого количества времени.

Русская культура тяготеет к полихронному способу деления времени и поэтому русские охотно переключаются с одного дела на другое, спокойно относятся к тому, что их прерывают. Немцев же просто сбивает с толку то, что во время их разговора с русским партнером тот часто отвлекается и занимается одновременно другими делами. В этом смысле русские как представители полихронной системы более мобильны и проявляют большую гибкость в решении вопросов.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микро-перспективой (полихронность/монокронность). Свой отпечаток на коммуникацию накладывает и макро-перспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). Россия больше, чем Германия ориентирована на прошлое. На формирование национального коммуникативного стиля, а значит и на характер русско-немецкой коммуникации оказывает также влияние фактор, определяемый американским антропологом Э. Холлом, как контекстность культуры. Между культурно обусловленными категориями «время» и «ориентация на контекст» существует очевидная зависимость. Общества с полихронным отношением ко времени чаще всего высококонтекстны, общества с монокронной системой времени – преобладающе низкоконтекстны.

Поскольку немецкая культура считается одной из самых низкоконтекстных культур, а русская, по мнению многих авторов, тяготеет к культурам с высоким контекстом, это, несомненно, отражается в специфике коммуникативного стиля представителей данных культур.

Содержательный аспект в немецком общении ценится выше, чем поддержание межличностных отношений. Эмоциям и чувствам придается мало значения, доминируют достоверность, логика и аргументация

высказывания, фактические знания и риторические способности партнеров по коммуникации. В первую очередь в расчет принимается дело, а не эмоции и гармоничность взаимоотношений. Даже жесткая критика произносится прямо, без предварительных разговоров и намеков. Прямой открытый стиль коммуникации, принятый среди немцев, означает также, что все услышанное ими воспринимается дословно. Особенно это относится к выражению согласия и принятию приглашений в деловой и приватной сферах. В Германии не принято говорить «да» только для того, чтобы не обидеть, например, коллегу, зная заранее, что приглашение не будет принято.

Корректность и вежливость общения в русском варианте имеет мало общего с пониманием таковых с точки зрения немецкой нормативно-ценностной системы.

Россия и Германия, как можно предположить, имеют разное представление о личном пространстве. Для представителей немецкой деловой культуры границы личного пространства не так растяжимы, как для представителей русской культуры. Если в России считается нормальным сокращение пространства по степени роста доверия человеку, то в Германии эта величина более-менее постоянна. Так, к примеру, в крупных офисах каждый сотрудник имеет изолированное рабочее место, которое способно отграничить его от коллег и дать возможность сосредоточиться на своей работе. Двери в офисы в Германии принято держать закрытыми, за дверь без стука и ответного разрешения не имеет право никто зайти. Что совершенно не типично для России, где отношение к дверям условное. Мы стучим, лишь для того, чтобы дать знак, что собираемся войти, но никак не для того, чтобы услышать сразу же ответ. Да и расположение рабочего места в российских компаниях более тесно, позволяющее свободно взаимодействовать с коллегами.

Обобщая особенности русской и немецкой коммуникации, обусловленные типом национальной культуры, можно утверждать, что в Германии доминирует прямой, точный, личностно-ориентированный, рациональный стиль общения; русский коммуникативный стиль характеризуется как интуитивный, статусно-ориентированный, отмеченный такими качествами, как общительность и контактность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Т.Ю. Теория организации. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2004.
2. Кадышева, Е.В. Культурные особенности межнациональных бизнес-контактов//Менеджмент в России и за рубежом. – 2006.
3. Капитонов, Э. А. Корпоративная культура: теория и практика / Э. А. Капитонов, Г. П. Зинченко, А. Э. Капитонов. – М.:Альфа-Пресс, 2005.
4. Кузин, Ф.А. Культура делового общения. – М.: Ось-89, 2007.
5. Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. - М.: Дело, 2001.
6. Малюга, Е.Н. Особенности языка и культуры в деловой коммуникации / Е.Н. Малюга. – М.: МАКС Пресс, 2004. – 173 с.
7. Малюга Е.Н. Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. - № 11. – С. 35-40.
8. Перскова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. - М.: Логос, 2004.
9. Пивоваров, С.Э. Сравнительный менеджмент. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 2008.
10. Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие/Ю. Рот, Г. Коптельцева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
11. Самохина, Т.С. Эффективное деловое общение в контекстах различных культур и обстоятельств: Учебное пособие по МКК. – М.: Валент, 2005.
12. Спивак В.А. Корпоративная культура. – М.: Питер, 2001.
13. Храброва И.А. Корпоративное управление: вопросы интеграции. – М.: Издательский дом «Альпина», 2000.
14. Hall E. Beyond Culture. Anchor Books, 1977.

15. Hofstede Geert H. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. SAGE, 1984.
16. Howard Schwartz, Stanley Davis. Matching Corporate Culture and Business Strategy. – M.: AMACOM, a division of American Management Associations, 1981.
17. Kluckhohn, F. R., & Strodtbeck, F. L. (1961). Variations in value orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson, 1961.
18. Shein E.H. Organizational Culture and Leadership - San Francisco: Jossey Bass Publishers, 1991.
19. Trompenaars F. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in global business. McGraw Hill, 1998.

REFERENCES

1. Ivanova T.U. (2004). The theory of organizations. Short course. SPb.: Piter.
2. Kadyshcheva E.V. (2006). Cultural peculiarities of international business contacts // Management in Russia and abroad.
3. Kapitonov E.A. (2005). Business culture. Theory and practice. – M.: Alfa-Press.
4. Kusin F.A. (2007). Culture of business communication. - M.: Os-89.
5. Lewis R.D. (2001). Business cultures in international business. From conflict to mutual understanding. –M.: Delo.
6. Malyuga E.N. (2004). Peculiarities of language and culture in business communication.- M.: MAKC Press.
7. Malyuga E.N. (2013). Intercultural business communication development in the modern linguistics // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 11, 35-40.
8. Persikova T.N. (2004). International communication and business culture. – M.: Logos.
9. Pivovarov S.E. (2008). Comparative management. 2- nd edition. - SPb.: Piter.
10. Rot U. (2006). Intercultural communication. Theory and training. M.: YUNITI-DANA.
11. Samokhina T.S. (2005). Effective business communication in different cultures and circumstances context. - M.: Valent.
12. Spivak V.A. (2001). Business culture. – M.: Piter.
13. Khrabrova I.A. (2000). Corporate management: integration issues. – M.: Izdatel'skii Dom “Alpina”.
14. Hall E. Beyond Culture. Anchor Books, 1977.
15. Hofstede Geert H. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. SAGE, 1984.

16. Howard Schwartz, Stanley Davis. Matching Corporate Culture and Business Strategy. – М.: AMACOM, a division of American Management Associations, 1981.
17. Kluckhohn, F. R., & Strodtbeck, F. L. (1961). Variations in value orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson, 1961.
18. Shein E.H. Organizational Culture and Leadership - San Francisco: Jossey Bass Publishers, 1991.
19. Trompenaars F. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in global business. McGraw Hill, 1998.

УДК 801

Е.В. Великая

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДИКТЕМА КАК ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И ЕЕ ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ: ПРОСОДИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СТИЛИЗАЦИИ ДИКТЕМЫ

DICTEME AND ITS PROSODIC FEATURES: PROSODIC MARKERS OF DICTEME STYLISATION

В статье анализируются просодические признаки диктемы как минимальной единицы текста и их роль в обеспечении выделенности и просодическом оформлении диктемы. На основе результатов проведенного экспериментально-фонетического исследования автор приводит способы интонационной стилизации диктемы в двух видах монологического текста – спонтанного и сценического.

Ключевые слова: диктема, просодия, признаки, категории, стилизация.

The author focuses on prosodic markers of the dicteme as a minimal text unit, their role in accentuation and forming the prosodic picture of a dicteme. Basing on experimental data, the writer introduces ways of intonation stylisation of a dicteme in two types of oral text – a spontaneous monologue and a stage monologue.

Key words: dicteme, prosody, markers, categories, stylisation.

Под *признаком* (от англ. *marker* – примета, характеристика, сигнал) в данной статье понимается «открытое выражение данной категориальной принадлежности» [1, с. 333], при этом *просодические признаки* – это

тональные (тональный уровень и тональный диапазон), динамические (громкость произнесения) и темпоральные (темп речи: скорость произнесения и паузация).

Категория тона представляет собой движение тона в рамках одного слога и является ведущим просодическим параметром. Это неоднократно подчеркивалось такими отечественными исследователями, как Р.К. Потапова: «наиболее эффективным просодическим параметром является частота основного тона (ЧОТ)» [5, с. 369] и Л.П. Блохина: «... ведущей супрасегментной характеристикой в области интонации является частота основного тона» [3, с. 167]. В категории тона вслед за Д. Кристалом мы выделяем два просодических признака: тональный уровень и тональный диапазон. Под *тональным уровнем* обычно понимают вариативные тональные изменения или мелодику, происходящие в нормальном диапазоне голоса, т.е. в его интервале между низшей и высшей границей. В британской фонетической школе исследователи первоначально ориентировались на три высотных уровня: низкий, средний и высокий. Среди современных британских фонетистов наличие семи уровней тона допускает Р. Кингдон. Некоторые лингвисты в научных и педагогических целях выделяют три тональных уровня: низкий, средний и высокий, причем каждому уровню соответствует определенный уровень ЧОТ и интенсивности. Под *тональным диапазоном* Д. Кристал понимает расстояние между двумя тональными уровнями, а в исследованиях российских авторов тональный диапазон – это «расстояние между двумя тональными уровнями или двумя слогами, расположенными на различных уровнях» [6, с. 149]. В этой фонетической школе выделяют три тональных диапазона: узкий, средний и широкий.

В категории *тона* Д. Кристал выявил девять типов: нисходящий (*falling*), восходящий (*rising*), нисходяще-восходящий (*falling-rising*), восходяще-нисходящий (*rising-falling*), нисходяще-восходяще-нисходящий

(*falling-rising-falling*), восходяще-нисходяще-восходящий (*rising-falling-rising*), нисходящий плюс восходящий (*fall plus rise*), восходящий плюс нисходящий (*rise plus fall*), ровный (*level*). Первые два вместе с ровным тоном Д. Кристал относит к простым типам тона, другие четыре – к сложным видам тона, остальные – к составным видам тона.

В отечественной англистике выделение количества тонов и их конфигурации определялось, прежде всего, педагогическими целями. Так, В.А. Васильев выделил десять видов тона: низкий нисходящий (*The Low Fall*), высокий широкий нисходящий (*The High Wide Fall*), высокий узкий нисходящий (*The High Narrow Fall*), низкий восходящий (*The Low Rise*), высокий узкий восходящий (*The High Narrow Rise*), высокий широкий нисходящий (*The High Wide Rise*), восходяще-нисходящий (*The Rise-Fall*), нисходяще-восходящий (*The Fall-Rise*), восходяще-нисходяще-восходящий (*The Rise-Fall-Rise*), ровный (*The High, Mid, Low Level*). Некоторые лингвисты [6, с. 150-152] выделяют восемь видов тона:

1. низкий (средний) нисходящий (*The Low (Mid) Fall*);
2. высокий нисходящий (*The High Fall*);
3. восходяще-нисходящий (*The Rise-Fall*);
4. низкий восходящий (*The Low Rise*);
5. высокий (средний) восходящий (*The High (Mid) Rise*);
6. нисходяще-восходящий (*The Fall-Rise*);
7. восходяще-нисходяще-восходящий (*The Rise-Fall-Rise*);
8. ровный (высокий, средний, низкий) (*The High, Mid, Low Level*).

То, что направление тона является релевантным просодическим признаком, не вызывает сомнений. Тем не менее, необходимо установить минимальный сегмент, на котором осуществляется лингвистически значимое движение тона. По мнению Ю.А. Дубовского, это ритмогруппа как минимальная самодовлеющая единица, которую можно определить формально [4, с. 5]. Однако, как указывает данный автор, ритмогруппа не

имеет значения (как и фонема или слог). В данной статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой модальное значение тона выясняется применительно к ядерному тону (*nucleus*) интонационной модели, в которую входят или могут входить, помимо ядра, предшкала, шкала и заядерная часть:

Helena: *I'm* → *going downstairs to pack my* ↘ *things* .

В данном примере *I'm* – предшкала, *going downstairs to pack my* – шкала, *things* – ядро, которое произносится со средним нисходящим тоном и имеет значение «категоричности, сдержанности и решительности».

В настоящей работе мы также признаем наличие трех групп *шкал*:

- I. Нисходящая (*Descending*)
 - Ступенчатая (*Stepping*)
 - Падающая (*Falling*)
 - Скользящая (*Sliding*)
 - Скандентная (*Scandent*)
- II. Восходящая (*Ascending*)
 - Поднимающаяся (*Rising*)
 - Повышающаяся (*Climbing*)
- III. Ровная (*Level*)
 - Высокая (*High-Level*)
 - Средняя (*Mid-Level*)
 - Низкая (*Low-Level*)

Базовым элементом при анализе интонации принята интонационная группа (*intonation group*) (или тональная группа в исследованиях М.А.К. Хэллидея и Д. Кристала). Интонационная группа может состоять из одного слова или слога, а также может включать придаточное предложение, предложение или его часть в зависимости от постановки пауз в процессе речепроизводства. Шкале в интонационной группе предшествует

предшкала (*The Pre-Head*), которая может произноситься на низком, среднем и высоком уровне и имеет обозначение безударного или полуударного слога, а также заядерная часть (*The Tail*), которая в случае нисходящего тона произносится на уровне ядра и в случае восходящего тона – имеет восходящее направление безударных и полуударных слогов.

В каждой интонационной группе выявляется *ядро* или ядерный слог, который является наиболее выделенным слогом во фразе и при этом несет основную смысловую нагрузку. Вместе с заядерной частью ядро составляет *терминальный тон* (*terminal tone*), наиболее значимую часть интонационной группы. Говоря о безударных слогах, мы имеем в виду слоги (безударные или полуударные), которые предшествуют шкале, и слоги, входящие в состав заядерной части. Название интонационных групп базируется на типе ядерного тона, однако, каждая из них может включать и упомянутые виды шкал, меняя при этом модальный оттенок звучания.

Категория громкости также является важным просодическим параметром. Ранее исследователи под этим параметром понимали «силу», «вес», звуковое давление, ударение, акцентуацию и т.д. Большая часть терминов использовалась синонимично: ударение/акцентуация у Г. Суита, ударение/интенсивность/громкость у Л. Блумфилда. При этом авторы не дифференцировали артикуляторные, акустические, аудитивные лингвистические и аудитивные нелингвистические техники анализа. Понятие громкости в лингвистике обычно связывают с ударением. На сегодняшний день нет полной ясности по поводу того, какие критерии должны использоваться при описании ударения. Д. Кристал отмечает, что существует определенная и значимая корреляция между «воспринимаемой интенсивностью или громкостью и амплитудой вибрации голосовых связок, но между ними нет тождества» [9, с. 115]. А. Гимсон (Gimson), напротив, считает, что единственной лингвистической реализацией понятия ударения является то, что оно способно создавать у адресата

эффект относительной выделенности (*prominence*), акцентуации (*accent*), которая осуществляется вариативностью тональных изменений, вариативностью качественных и количественных параметров. В отечественной лингвистической науке под *громкостью звука* понимается «сила, амплитуда» [5, с. 276]. Громкость измеряется в децибелах и наравне с другими просодическими параметрами играет важную роль в акцентуации звука и слога.

Третьим важнейшим просодическим параметром является *темп речи*. Д. Кристал под темпом речи понимает долготу звука, слога, высказывания или даже молчания (отсутствие фонации). Некоторыми отечественными исследователями темп понимается как «скорость произнесения в сочетании с паузацией» [7, с. 120] или «относительная скорость высказывания, которая измеряется скоростью следования слогов и количеством и длительностью пауз во фразе. Низкая скорость составляет от 2 до 4 слогов в секунду, средняя – от 3 до 6 слогов и высокая скорость произнесения – от 5 до 9 слогов в секунду» [6, с. 219]. В истории лингвистики категорией темпа занимались Э. Сапир, Дж. Коттон, Р.-М. Хефнер, Дж.Трейгер и другие исследователи. У. Джонсон, Ф. Дарли, Дж.Каррел и У. Тифани изучали нормы темпа речи для различных групп индивидов. Темп чаще, чем какая-либо другая подсистема просодических параметров, ассоциируется с фоностилистическим аспектом речевого акта, замечает Ю.А. Дубовский, при этом ссылаясь на мнения различных отечественных исследователей: «темп речи служит одним из основных факторов ее фонетического стиля» (Бернштейн). Как указывают авторы, у каждого индивида своя норма скорости произнесения, которая характеризует его индивидуальный стиль речи: «одни говорят более быстро, другие – более медленно; некоторые люди используют большую вариативность темпа речи, чем другие. Темп – это характеристика,

которая, как и громкость, может варьировать в речи отдельного индивида» [6, с. 220].

Как уже отмечалось выше, помимо скорости произнесения в темп речи включается также *паузация*. Под паузой обычно понимается перерыв в фонации. Авторы вышеуказанного учебного пособия выделяют три вида пауз: короткие, разделяющие интонационные группы во фразе, средние, возникающие, как правило, в конце фразы, длительные, наблюдаемые в конце диктемы, и сверхдлительные, знаменующие конец текста. Возможны также случаи, когда имеет место пауза без перерыва в фонации. Это связано с тем, что перерыв в фонации не является единственным признаком конца интонационной группы. Ее эффект создается не временным перерывом в фонации, а за счет динамических или тональных перепадов, или комбинацией этих средств, а также за счет разного рода психологических ассоциаций [4, с. 73]. Функционально паузы подразделяются на синтаксические, эмфатические и паузы хезитации, о чем говорилось ранее. Синтаксические паузы используются для разделения интонационных групп, фраз и диктем; эмфатические выделяют отдельные элементы высказывания; паузы хезитации используются, главным образом, в спонтанной речи для планирования и обдумывания высказывания при производстве речи. В зарубежной науке изучением паузы первоначально занимались специалисты в области психиатрии и психолингвистики. С точки зрения F. Goldman–Eisler, паузы бывают заполненные и незаполненные. Данный автор с функциональной точки зрения выделяет два типа пауз: паузы, вызванные биологической необходимостью (например, дыхания) длиной от 0,5 сек до 1 сек, и паузы, вызванные хезитационными факторами; длительность последних варьирует от 0 до 80 процентов всего времени фонации. Другие исследователи (W. Maclayand, C. Osgood), подразделив паузы на заполненные и незаполненные, занимались их распределением в речи. Так,

они установили, что незаполненные паузы чаще возникают перед значимыми словами, тогда как заполненные – на границе фразы. Кроме того, по мнению этих авторов, характер паузы и частота ее применения зависит от индивидуальных особенностей говорящего.

В задачу настоящего исследования входило выяснение роли каждого из рассмотренных просодических параметров и их возможной комбинаторики и тенденций в обеспечении выделенности, передаче смысла и оформлении звучащего текста. Носителями рассмотренных просодических признаков являются интонационная группа, фраза, которые, в свою очередь, могут объединяться в *диктемы (фонодиктемы)*. Диктема обязательно содержит тематико-смысловый центр, а фонодиктема – еще и экспрессивно выделенные участки текста, которые могут совпадать с тематико-смысловым центром или существовать отдельно от него. Диктема является оптимальной единицей для анализа всего монологического текста. Являясь *основной просодической единицей* звучащего текста, диктема выступает как единица членения, единица строя текста и отличается характерной просодией. Она также является оптимальной единицей для анализа просодического строя сценического и спонтанного монологического текста, т.к. именно в диктеме раскрываются такие просодические признаки, как тональные изменения, вариативность громкости произнесения, темпа речи, особенности членения, паузации, построения интонационных контуров. В ней также полно, учитывая ее высшее место в иерархии уровневой структуры языка, раскрываются номинация, предикация, тематизация и стилизация [2, с. 56-67].

Данное экспериментально-фонетическое исследование проводилось в два этапа: часть материала подвергалась электронно-акустическому анализу и его обработке в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи при МГЛУ в соответствии с методом структурно-функционального изучения просодических характеристик речи, другая

часть была обработана с использованием компьютерных программ Pratt (v.4.0.53) и Speech Analyzer (v.1.5). В соответствии с задачами данного исследования использовался комплексный метод, который включал также аудиторский анализ с последующим функциональным анализом результатов. *Материалом* для сценических монологов послужили два спектакля, поставленные на сценах британских театров по пьесам Джона Осборна «Оглянись во гневе» и Гарольда Пинтера «День рождения» и записанные на видеопленку, а также два видеofilm: новая экранизация пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» и «Идеальный муж».

Образцы монологических текстов, реализованных в спонтанном говорении, были получены в результате записи неподготовленной монологической речи носителями языка на предложенные им темы, частично в студии звукозаписи при лаборатории экспериментальной фонетики Московского государственного лингвистического университета и частично в языковой летней школе в г. Кембридже (Великобритания). Группа информантов состояла из 14 дикторов (8 мужчин и 6 женщин) – стажеров Оксфордского университета, а также преподавателей Кембриджского и Лондонского университетов, носителей орфоэпической нормы английского произношения. Возраст информантов был зафиксирован в интервале от 19 до 52 лет. Подбор дикторов производился с целью обеспечения симметричности ситуации общения по большинству социальных характеристик говорящего, а именно: социально-экономическому положению, территориально-диалектной принадлежности, культурно-образовательному уровню, роду занятий. Записи материала в спонтанном говорении осуществлялись с учетом максимального приближения ситуации общения к естественной. Информантам были предложены те же темы для построения монологических высказываний, что и в сценических монологах. Тематика

при этом не выходила за рамки предполагаемого социального опыта в бытовой сфере общения.

В ходе данного экспериментально-фонетического исследования стало очевидным, что *интонационная стилизация диктемы*, аналогично стилизации монологического текста в целом, создается под воздействием экстралингвистических факторов и с учетом композиционной структуры монологического текста и его тематики. В этой связи при исследовании просодических свойств диктемы упор был сделан на изучении условий общения, выявлении смысловой структуры монологов, членении, выделенности ключевых слов, тематико-смысловых центров и экспрессивно выделенных участков в разных диктемах, а также на рассмотрении просодических особенностей оформления трехчастной композиционной структуры монологических текстов в каждой тематической группе с акцентом на выделенности ключевых (тематических) и ядерных слов в исследуемых фрагментах.

Под *выделенностью* обычно понимается акцентуация «наиболее важных в смысловом отношении единиц текста, подчеркивание главного на фоне второстепенного, нового на фоне старого, существенного на фоне несущественного ...» [8, с. 151]. Эффект просодической выделенности, как стало понятно в ходе настоящего исследования, создается следующими фонетическими средствами:

- максимальная высота тона в интонационной группе или фразе (тональный уровень);
- повышение крутизны угла падения тона;
- максимальный тональный диапазон;
- повышение громкости на ядерном тоне по сравнению с предшествующими элементами (фоном) (динамический показатель);
- ускорение или замедление темпа речи по сравнению с фоном (в относительных единицах);

- разрыв шкалы (повышение тона перед значимой лексемой во фразе или интонационной группе – «случайный» подъем);
- пауза, предшествующая ядерной лексеме;
- пауза, следующая за ядерной лексемой.

Просодическими способами выделения *ключевых (тематических) слов* в диктемах сценического и спонтанного монологов были тональные изменения и замедление темпа речи, а в ряде случаев – и повышенная громкость. Так, выделение ключевых слов в сценическом монологе в рамках первой тематической группы осуществлялось расширением тонального диапазона, замедлением темпа речи и усилением громкости в сочетании с высоким, средним и низким нисходящим, а также ровным тоном, а акцентуация ключевых слов в спонтанном монологе в рамках этой же тематической группы осуществлялась сужением тонального диапазона и замедлением или, наоборот, ускорением темпа речи в сочетании либо со средним и высоким нисходящим тоном, либо со средним ровным тоном.

Композиционная схема монологов в значительной степени определяет место тематико-смыслового центра в начале, середине или конце монолога. Так, например, в *сценических монологах* при расположении тематико-смыслового центра в финальной диктеме выделенность ядерных лексем осуществляется по показателям тонального уровня, тонального диапазона, скорости изменения тона (повышение крутизны угла падения тона), громкости произнесения (усиление громкости) в сочетании со средним нисходящим тоном и ступенчатой и ровной шкалой:

Jimmy: I knew more about|| love,| betrayal| and death,|| when I was ten years old|| than you will probably ever know|| all your life.

В обеспечении выделенности ядерных лексем экспрессивно выделенных участков в данном монологе были задействованы параметры скорости произнесения (замедление темпа речи), скорости изменения тона (повышение крутизны угла падения тона), тонального диапазона

(расширение диапазона) в сочетании со средним, высоким и низким нисходящим тоном и высокой ровной и ступенчатой шкалой. Используемая комбинаторика просодических параметров характеризует главного героя как человека эмоционального, но стремящегося сдерживать свои отрицательные эмоции:

Jimmy: All he could feel || was the despair| and the bitterness,|| the sweet,| sickly smell of a dying man.

В спонтанных монологах при расположении тематико-смыслового центра в финальной диктеме выделенность его ядерных лексем осуществлялась по параметрам тонального диапазона (расширение), скорости изменения тона (повышение крутизны угла падения тона), громкости (усиление) и скорости произнесения (замедление темпа речи) в сочетании со средней ровной шкалой и средним нисходящим и средним ровным тоном:

Simon: And | death | in existence with God, you know, | why does it take worthy people you care about most.

В обеспечении выделенности ядерных лексем экспрессивно выделенного участка в третьей диктеме данного монолога наиболее релевантными были параметры скорости произнесения (замедление темпа речи) и громкости (усиление) в сочетании со средней ровной шкалой и низким нисходящим и средним ровным тоном:

Simon: I mean death | I mean I don't understand | I mean I don't understand| why it has to happen to people you know, || who cared about me, just made it easy, sort of.

Определенную стилизацию диктемы создает также и тема, в рамках которой строится каждая диктема и весь монологический текст. Так, для сценических монологов в рамках второй тематической группы релевантными в создании выделенности являются тональные параметры, параметры скорости изменения тона и скорости произнесения:

*Helena: But I can't go on! I can't take part | in all this suffering.
I can't!*

В спонтанных монологах для этой тематической группы характерна следующая комбинаторика просодических параметров: параметры тонального уровня, громкости и скорости произнесения:

Dal: Um, | if you have | no | ethical boundaries, you can't be wrong or right.

Таким образом, данное экспериментально-фонетическое исследование показало значимость всех просодических параметров в оформлении диктемы как просодической единицы текста и позволило вывести наиболее типичные способы ее интонационного оформления (интонационные контуры), в котором задействованы параметры тонального уровня и тонального диапазона, громкости и темпа речи. Раскрытие всех этих показателей фонетического строя диктемы дает основание представить диктему в качестве непосредственной цельной просодической единицы развертывающейся речи. Такой вывод служит собственно фонетическим обоснованием представления качественной определенности диктемы как элементарного тематически выделенного и стилеоформленного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка//Вопросы языкознания. – 2000. - №4. – С. 56-67.
3. Блохина Л.П. Использование статистических методов для нахождения нормативного интонационного варианта//Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. – М., 1973. – С.166-169.
4. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста и ее составляющих. – Минск, 1978. – 140 с.
5. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 568 с.

6. Практическая фонетика английского языка. – М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1997 – 384 с.
7. Теоретическая фонетика английского языка. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.
8. Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодия. – М.: «Прометей» МПГУ, 2005. – 192 с.
9. Crystal, D. Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge: CUP, 1969. – 369 p.

REFERENCES

1. Ahmanova O.S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Editorial URSS.
2. Bloh M.Ja. (2000). Dictema v urovnevoj structure jazyka. *Voprosy jazykoznanija* (4), 56-67.
3. Blohina L.P. (1973). Ispolzovanie statisticheskikh metodov dlja nahozhdenija normativnogo intonacionnogo varianta//*Problemy teoreticheskoy i prikladnoj fonetiki i obuchenie proiznosheniju*. Moskva.
4. Dubovskij Ju.A. (1978). *Analiz intonacii ustnogo teksta i ejo sostavljajushhijh*. Minsk.
5. Potapova R.K. (2003). *Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika*. Moskva: Editorial URSS.
6. Sokolova M.A. i dr. (1997). *Prakticheskaja fonetika anglijskovo jazyka*. Moskva: VLADOS.
7. Sokolova M.A. i dr. (1991). *Teoreticheskaja fonetika anglijskogo jazyka*. Moskva: Vysshaja shkola.
8. Freidina E.L. (2005). *Publichnaja rech' i ejo prosodija*. Moskva: Prometej.
9. Crystal D. (1969). *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 378

Т.А. Дмитренко

Московский педагогический государственный университет

**ОВЛАДЕНИЕ НОРМАМИ РЕЧЕВОГО И НЕРЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ
ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ**

ACQUISITION OF VERBAL AND NON-VERBAL BEHAVIOR AT TEACHING FOREIGN LANGUAGES AS FACTOR OF ACHIEVING MUTUAL INTELLIGIBILITY IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Автор придает большое значение овладению нормам речевого и неречевого поведения в процессе обучения иностранным языкам в системе высшего профессионального образования. В статье анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов в области языкового образования.

Ключевые слова: языковая подготовка, нормы речевого и неречевого поведения, повышение качества, языковое образование.

The author highlights the mastery of verbal and non-verbal behavior norms in teaching foreign languages in the system of higher education. The article examines some actual problems connected with the quality improvement of vocational training of the future specialists in the field of language education.

Keywords: foreign language training, the norms of verbal and non-verbal behavior, the quality improvement, language education.

Обязательным условием владения иностранным языком, на наш взгляд, является овладение нормами речевого и неречевого поведения, свойственного носителям языка, а также умение адаптироваться к особенностям культуры, характерным для сферы употребления нового языка. Студентам при профессионально ориентированном обучении иностранному языку необходимо адекватно использовать речевые средства, обусловленные национальной спецификой, применять языковые знания в соответствии с речевой ситуацией [1].

Основу иноязычных способностей составляет способность к переключению с одного языка на другой, гибкости, в связи с этим, одной из задач, решаемых при овладении иностранным языком, является формирование механизма переключения, под которым следует понимать как умение быстро переходить с одного языка на другой, так и находить иноязычный эквивалент, совмещать языковые системы двух языков. Это в свою очередь, предполагает необходимость учёта ситуации общения и

культуры общающихся, так как общение включает не только обмен информацией, но и соблюдение правил речевого и неречевого поведения.

Процесс разыгрывания ситуации при решении как профессиональных, так и не профессиональных проблем, позволяет познакомить обучаемых с моделями речевого поведения в различных условиях, сконцентрировать их внимание на коммуникативном использовании единиц языка, а также на прогнозировании развития ситуации и нахождении способов ее благополучного разрешения. Кроме того, обучающимся приходится не только говорить на другом языке, но и модифицировать своё невербальное поведение в соответствии с нормами иноязычной культуры. Таким образом, особое внимание обращается на изучение мимики и кинесики как основных составляющих невербального поведения.

Под межкультурным общением принято понимать коммуникативное взаимодействие людей, которые принадлежат к разным национальным культурам и могут отличаться друг от друга в отношении образа и стиля жизни, норм речевого и неречевого поведения.

Естественно, умение осуществлять межкультурное общение не является врождённым для человека, находящегося в рамках только родной культуры. Оно является приобретённым и формируется путём осознанного сопоставительного изучения родной и иноязычной культур. Под правилами речевого поведения, включающими и невербальное поведение, принято понимать нормы, исторически сложившиеся в определённом языковом коллективе, поддерживаемые общественным мнением и определяющие, как должен поступать человек в определённых ситуациях, что он должен делать для достижения в процессе общения желаемого результата.

Отсутствие должного внимания к нормам речевого поведения в практике преподавания иностранного языка может привести к различным ошибкам, которые нарушат процесс общения, вызовут реакцию, известную

в лингвистике как «культурный шок» и приведут к значительному снижению эффективности речи говорящего на иностранном языке.

Таким образом, в процессе обучения должна быть усвоена одновременно с языком и выражаемая этим языком культура. Обучающийся не должен просто говорить на иностранном языке, он должен уметь осуществлять межкультурное общение с соблюдением норм или правил речевого поведения, принятых в стране изучаемого языка. Знание и целесообразное применение данных правил позволят общающимся успешно адаптироваться к иноязычной среде, умело следовать нормам речевого поведения [2].

Стремление соблюдать нормы иноязычной речевой культуры свидетельствует об уважении к представителям этой культуры и способствует более быстрому приобщению к новому культурно-языковому пространству. Соблюдение норм речевого поведения оказывает положительное влияние на достижение взаимопонимания в процессе общения, помогает установлению доброжелательных отношений между общающимися, позволяет овладеть способами адекватного использования речевых средств в иноязычной среде в соответствии с речевой ситуацией.

Основными нормами речевого поведения англичан являются вежливость, терпимость, стремление к краткости и немногословию, сдержанность в проявлении чувств, сохранение чувства юмора в трудные минуты, предпочтение легкой беседы. Вежливость у англичан появляется из уважения к человеческой личности и поддерживается природной доброжелательностью. Согласно одной из английских пословиц,– «перед вежливостью все двери открываются».

Разговор о погоде носит у англичан ритуальный характер. Принято отпустить какое-то замечание о погоде, позволить добавить, что она, судя по всему, вот-вот изменится. Никто не подвергает сомнению слова собеседника и тем более не собирается спорить с ним. Английская беседа

полна запретов. Помимо слов «нет» и чётких отрицаний, она старательно избегает личных моментов, т.е. всего того, что может показаться вторжением в чужую частную жизнь. Не рекомендуется вести речь о себе, о собеседнике, ставить прямые вопросы, давать категоричные ответы. В связи с этим, у англичан на редкость развита чуткость к намекам и недомолвкам. Англичанин избегает раскрывать себя, и эта черта отражена в этикете устного общения.

В Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая приятному расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов. В России же преобладают использование коммуникативной прямолинейности, информативности, эмоциональности, статусной ориентированности и коммуникативной естественности.

Беседе русских свойственен эмоциональный характер. Русские нередко проявляют несдержанность, порой даже крикливость, хотя это обычно прощается окружающими и самим говорящим. Порицание встречается в речи русских значительно чаще, чем похвала. В России замечание довольно распространенное явление в ходе беседы.

В Англии же похвала получила большее распространение, чем порицание. Сохранение чувства юмора в любых ситуациях, даже стрессовых, характерно для беседы в Великобритании. Таким образом, к основным нормам речевого поведения англичан относится вежливость, терпимость, стремление к краткости или немногословию, легкой беседе, сдержанность в проявлении чувств, сохранение чувства юмора в любой ситуации.

Согласно О.А. Леонтович [3], культура по своей сути является коммуникацией, а коммуникация – культурой. Эта идея, кстати, была высказана ещё Э.Т. Холлом. О.А. Леонтович отмечает также, что противоречия между вербальным и невербальным поведением могут быть

истолкованы как свидетельство неискренности, неестественности и даже странности. Жесты, которые не синхронизированы с речевым потоком, рассеивают внимание и мешают пониманию речи слушателями. Использование жестов, связанных с речью, способствует восприятию информации, активизирует образы и облегчает воспоминания.

Посредством коммуникации культура обеспечивает взаимодействие человека с обществом, согласование деятельности людей между собой. Взаимодействие языков и культур способствует оценке объектов окружающего мира, облегчает адаптацию человека в новых культурных условиях, помогает организации и координации его деятельности, позволяет получить поддержку правильности своих действий от других членов языковых коллективов.

Невербальное поведение существенно дополняет и обогащает речь, позволяет усиливать воздействие сообщения, но овладение ими предполагает знание определенных норм, так как невербальное поведение связано с национальными традициями общения и отражают правила надлежащего речевого поведения.

Нормы русского речевого поведения допускают проявление большей открытости, раскованности, поэтому жесты русских более размашистые, широкие, для их совершения используются, как правило, вся рука от плеча. Уровень контролируемости мимики и жестикуляции у русский весьма невысокий.

У англичан же уровень контролируемости мимики и жестикуляции в процессе общения – высокий и это необходимо учитывать студентам в процессе овладения иностранным языком. Интенсивность жестикуляции англичан – умеренная, дистанция общения – увеличенная. Чаще всего англичане во время беседы располагают руки вдоль тела или оставляют их лежать на коленях, так как по их мнению, руки всегда должны быть на виду.

Всеми этими тонкостями необходимо овладеть студентам, изучающим иностранный язык для достижения взаимопонимания и эффективности межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитренко Т.А. Профессионально-ориентированные технологии обучения иностранным языкам. Монография. М.: Прометей. МПГУ. 2009.
2. Дмитренко Т.А. Методика преподавания английского языка в вузе. Учебное пособие. М., МЭЛИ.2009.
3. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. Учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2003.
4. Мalyuga Е.Н. Особенности языка и культуры в деловой коммуникации / Е.Н. Мalyuga. – М.: МАКС Пресс, 2004.
5. Мalyuga Е.Н. Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. - № 11. – С. 35-40.

REFERENCES

1. Dmitrenko T.A. (2009). Professional oriented technologies of teaching foreign languages. Monograph. M.: Prometej. MSPU.
2. Dmitrenko T.A. (2009). Methods of teaching the English language in university. M.: MELI.
3. Leontovich O.A. (2003). Introduction into intercultural communication. Volgograd: Peremena.
4. Malyuga E.N. (2004). Peculiarities of language and culture in business communication. – M.: MAKS Press.
5. Malyuga E.N. (2013). Intercultural business communication development in the modern linguistics // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 11, 35-40.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**THE FORMATION OF TRANSLATION/INTERPRETATION COMPETENCE:
PSYCHOLINGUISTIC APPROACH**

Успешная и качественная подготовка профессиональных переводчиков осуществляется в рамках компетентностного подхода. Динамично развиваясь, переводоведение предлагает комплексный анализ перевода, его психологической природы, механизмов переводческой деятельности. Данные психолингвистики позволяют переосмыслить представления о переводе, а также моделировать и оптимизировать процесс перевода.

Ключевые слова: компетентность, переводоведение, психолингвистика, переводческая деятельность, вероятностное прогнозирование.

Quality training of professional translators is based on the competence approach. The science of translation which is steadily developing offers a comprehensive analysis of translation, its psychological nature, translation activity mechanisms. Psycholinguistics data not only leads to a deeper understanding of translation, but also allows to model the process of translation and enhance its efficiency.

Key words: competence, the science of translation, psycholinguistics, translation activity, probabilistic forecasts.

В конце в конце XX и начале XXI вв. произошли существенные изменения характера образования (его направленности, целей, содержания), что в полной мере свидетельствует о смене образовательной парадигмы, ориентированной на компетентностный подход (competence-based education – CBE). Несмотря на всю многогранность термина компетенция/компетентность, сложность его трактовки и определения, важно подчеркнуть, что современное образование ориентировано на формирование гармоничной успешной личности, нацелено на результат, а

обучающиеся, в свою очередь, как показывают исследования, придают особую значимость профессиональным компетенциям.

Под профессиональной компетенцией понимается способность успешно действовать на основе практического опыта, умений и знаний при решении профессиональных задач.

Содержание собственно переводческой компетенции многократно подвергалось анализу в различного рода исследованиях. А.Д. Швейцер понимает под переводческой компетенцией саму *способность переводить*, рассматривает ее как сложную и многомерную категорию, включающую особое «переводческое» владение двумя языками, способность к «переводческой интерпретации» исходного текста, владение технологией перевода, знание норм языка перевода [14, с. 28]. Р. Штольце отмечает, что переводческая компетенция объединяет рецептивную компетенцию понимания (способность понимания исходного текста); продуктивную компетенцию формулирования (способность создания текста на языке перевода); жизненный опыт переводчика, который фигурирует в качестве фонового знания; идиоматическое владение языком перевода; элементы двух соприкасающихся в процессе перевода культур [14, с. 25]. Л.К. Латышев считает, что под переводческой компетенцией принято понимать совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи. Эта совокупность может быть подразделена на две части, причем каждая из частей, в свою очередь, состоит из двух составляющих – *базовой части*, включающей концептуальную и технологическую составляющие и *прагматической части*, состоящей из специальной и специфической [4, с. 12-13].

Подобный комплексный подход к пониманию перевода отражает смену парадигм в языкознании, демонстрируя изменения в своем объекте от лингвостатического (текст) до психодинамического (процесс перевода) и позже – до вполне логического их взаимодействия [10, с. 13].

Исследование перевода как «конечного продукта» нашло свое отражение в лингвистических концепциях науки о переводе. Основные задачи, которые решались в рамках данного направления, связаны с анализом и описанием наиболее общих, объективных закономерностей процесса переводческих преобразований. Так, большой вклад в развитие переводоведения на первом этапе внесли такие ученые, как А. В. Федоров и Я.И. Рецкер, разработавший теорию регулярных (закономерных соответствий). Были выделены: *эквиваленты* – постоянные равнозначные соответствия (пр.: Лига Наций – the League of Nations – la Société des Nations); *аналоги* – варианты соответствия (пр.: be green with envy – почернеть от зависти; to draw attention – привлечь внимание) и *адекватные замены* – переводческие трансформации (пр.: London saw a cold winter last year – В прошлом году в Лондоне была холодная зима. He stretched a careless hand – Он небрежно протянул руку). Адекватность при этом достигается за счет *конкретизации* недифференцированных абстрактных понятий, *логического развития* понятий, *антонимического перевода* и др. Иными словами, происходит сопоставление исходных – «на входе», и конечных – «на выходе», отрезков текста и делается попытка охарактеризовать способы и приёмы имевшего место преобразования. В центре внимания лингвистической теории перевода находятся обобщенные способы решения стереотипных переводческих задач, отобранных в ходе широкой практической деятельности. Отметим, что закономерности процесса перевода рассматриваются, в основном, исходя из соотношения между *отдельными* лексическими единицами, морфологическими категориями и синтаксическими конструкциями, что явилось недостатком данной теории.

На смену теории о закономерных соответствиях приходит *коммуникативная теория перевода*, в основу которой легла концепция Ю. Найда о «динамической эквивалентности». Ученый считал, что перевод

должен удовлетворять «не только требованиям языка перевода всей культуры этого языка в целом, но и контексту данного сообщения и аудитории, которой адресуется перевод» [9, с. 128-132]. А.Д. Швейцер, как один из создателей данной теории, полагал, что переводческая эквивалентность имеет два измерения – одномерное горизонтальное и вертикальное иерархическое. Горизонтальный ряд представлен различными видами эквивалентности, вертикальное измерение отражает иерархическую структуру каждого из этих видов [14, с. 147]. В.Н. Комиссаров внес свой весомый вклад в развитие этой теории, выделив 5 уровней (типов) эквивалентности, понимаемых как разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом. Е.В. Бреус развивая эту концепцию, выделяет 7 видов эквивалентности – денотативную, экспрессивную, фатическую, командную, металингвистическую, поэтическую, межкультурную [1, с. 16]. Обобщая теоретические положения данного подхода, можно заключить, что коммуникативные намерения отправителя исходного текста образуют ту основу, на которой происходит сопоставление исходного и переводящего языков, при этом основной целью является достижение *коммуникативного эффекта*. Данное положение позволяет А.Д. Швейцеру говорить о том, что переводоведению значительно ближе понятие *коммуникативной компетенции*, означающее способность говорящего выбирать из доступной ему совокупности грамматически правильных форм те, которые должным образом отражают нормы поведения в реальных актах взаимодействия» [14, с. 27].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что с развитием и становлением коммуникативной теории перевода были заложены основы для комплексного изучения перевода, как особого вида речевой деятельности, изучения его психологической природы. Для этих целей переводоведение задействовало в том числе данные и терминологический

аппарат психолингвистики (ПЛ) – научного направления, сложившегося на стыке психологии и лингвистики с целью изучения речевой деятельности человека, начиная с этапа ее рождения и заканчивая результатом – фактом восприятия произведенной речевой продукции. Так, для теории перевода продолжают представлять интерес положения о трехчленной структуре речевого действия, включающего фазу планирования (программирования), фазу осуществления и фазу сопоставления, о необходимости учета цели и мотивации, об эвристическом принципе порождения речи, о лежащем в его основе вероятностном прогнозировании [5, с. 263-265].

Большой интерес для переводоведения в целом и формирования переводческой компетенции в частности могут представлять релевантные для ПЛ: 1) эвристический принцип, в соответствии с которым можно представить модель порождения речевого высказывания, при этом выбор лексико-грамматических, семантических, структурных трансформаций обусловлен конкретными условиями межъязыкового коммуникативного акта; 2) модель вероятностного прогнозирования, сформированная на основе подсознательной субъективной оценки «априорных вероятностей дальнейшего развития данной вербальной ситуации» как на уровне прогноза вероятности сочетаемости слов, так и на более высоком смысловом уровне [13, с. 53-56, 71-85]; 3) активно разрабатываемые теории понимания, связанные со способами извлечения смысла из речевого произведения в процессе его интерпретации; 4) взаимоотношение мысли и слова, осуществляемое с учетом психосемиотических профилей читателя и автора, переводчика, автора и читателя; 5) теория лакун, понятие, с помощью которого фиксируются расхождения между «своей» и «чужой» культурой и др.

Остановимся подробнее на модели вероятностного прогнозирования, которая, по мнению Г.В. Чернова, применима для формирования переводческой компетенции переводчиков-синхронистов. На наш взгляд,

данная модель может быть задействована при обучении различным видам перевода, в том числе последовательного и перевода с листа. Для того, чтобы понять принцип работы данной модели, необходимо обратиться к некоторым данным ПЛ, касающихся речесмысловосприятия и речесмыслопорождения, в частности к данным обработки информации, т.е. анализу, классификации и интерпретации данных. В ПЛ — это когнитивные операции, лежащие в основе (а) четырех видов речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо); (b) извлечения слов из ментального лексикона; (с) построения репрезентаций значения. Термин «обработка» иногда применяется только по отношению к процессам восприятия, т. е. слушанию и чтению. Современные модели обработки во многом основаны на ранней теории обработки информации, описывающей когнитивное поведение в терминах ментальных состояний и модифицирующих их процессов, разбиваемых на четко обозначенные стадии. На основе этой теории процесс обработки языка стал пониматься как передача языковых данных от одного уровня репрезентации (признака, фонемы/буквы, слова, синтаксической единицы) к другому и преобразование данных на каждом из уровней. Первые модели обработки, как и первые компьютеры, как правило, были последовательными, т. е. подразумевали, что каждая операция (напр., составление слова из звуков) должна закончиться, прежде чем начнется другая. Однако в современных моделях принимается, что обработка происходит параллельно на нескольких уровнях репрезентации, которые должны быть одновременно активированы [12, с. 153-154]. На основе этих данных можно сделать вывод о том, что *модель вероятностного прогнозирования* отражает базовые представления о мыслеречедеятельности. Для развития конкретных переводческих умений и навыков (напр., «переводческая догадка») с целью формирования переводческой компетенции можно разработать комплекс упражнений. Так, студентам можно предлагать

задания типа: «подберите подходящее по смыслу слово», напр. *s... differences (sharp)*, *p... a visit (pay)*, *h... talks (hold)* или «подберите подходящее по смыслу словосочетание», напр.: *Queen Elizabeth II makes the first s... v... (state visit) by a sitting B... m...(British monarch) to Ireland in 100 years.*

Психолингвистические модели предлагают механизмы, направленные на объяснение принципов успешного осуществления переводческой деятельности, т.е. по сути, отвечают задачам формирования переводческой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. Учебное пособие. – М.: Валент, 2007. – 320 с.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
4. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – 2-е изд., перераб.и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.—320 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. Изд. 4. М.: Ком Книга/URSS, 2007 – 306 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
7. Леонтьев А.А. Психология общения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. – 242 с.
9. Найда Ю. К науке переводить //Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С – 128-132.
10. Пшенкина Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика [Текст]: Монография; М-во образования и науки Рос.

Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Барнаул. Гос. пед. ун-т". - Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 238 с.

11. Сорокин Ю.А, Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун// Лексические единицы и организация структуры литературного текста. – Калинин, 1983 . – С 35-52.

12. Филд Джон Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с англ. эквивалентами). Пер. с англ./ Общ. Ред. И.В. Журавлева. М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 344 с.

13. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. – М.: Высшая школа, 1987. 1987. – 256 с.

14. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М., 1988. – 215 с.

REFERENCES

1. Breus E.V. (2007). The course of translation from English into Russian. The course book. – М.: Valent, 320 p

2. Zalevskaya A.A. (2007). *An Introduction to Psycholinguistics*. The coursebook. 2-e izd. ispr. i dop. М.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 560 p.

3. Zimniaia I.A. (2004). Key competences as “goal – result” foundations for *the competence approach in education*. – М.: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 40 p.

4. Latyshev L.K. (2005). Translation technologies. The course book for students of linguistic universities and faculties. – 2-eizd., pererab.i dop. – М.: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 320 p.

5. Leont'ev A.A. (2007). Psycholinguistic units and sentence production. М.: Nauka, 1969. Izd. 4. М.: Kom Kniga/URSS, 306 p.

6. Leont'ev A.A. (2003). *Foundations of psycholinguistics*. – 3-e izd. – М.: Smysl; SPb.: Lan', 287 p.

7. Leont'ev A.A. *Psychology of communication*. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Smysl, 1997. – 365 p.

8. Komissarov V.N. (2002). Modern translation studies: A course book. М.: ETS,.242 p.

9. Nida E. (1978). Towards a Science of Translation//Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike: Sb. statei. М.: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp.128-132.

10. Pshenkina T.G. (2005). Psychological foundations of verbal mediation activity of the translator. - Barnaul: Izd-vo BGPU, 238 p.

11. Sorokin Iu.A, Markovina I.Iu. (1983). Experience of systemizing linguistic and culturalological lacunes // Leksicheskie edinitsy i organizatsiia struktury literaturnogo teksta, pp. 35-52.
12. Field J. (2012). Psycholinguistics. The key concepts. The encyclopedia of terms with English equivalents. Translation from English. / Obshch. Red. I.V. Zhuravleva. M.: Izdatel'stvo LKI, 344 s.
13. Chernov G.V. (1987). Foundations of simultaneous translation: the course book. – M.: Vysshaya shkola, 256 p.
14. Shveitser A.D. (1988). Translation theory (status, problems, aspects). M., 215 p.

УДК 811.111

Г.А. Паршутина

МГИМО (Университет) МИД России

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ГЛАГОЛОВ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

FUNCTIONAL DIVERSITY OF VERBS OF COMMUNICATION IN ENGLISH BUSINESS DISCOURSE

В статье рассматриваются такие функциональные свойства глаголов коммуникации как интенциональность, ситуативная ориентированность, способность оформлять микроконтекст, а также коммуникативно-прагматические свойства на материале английского делового дискурса. Автор обращает внимание на то, что изучение функциональных свойств глаголов коммуникации имеет практическую значимость для совершенствования не только делового, но и других типов дискурса.

Ключевые слова: глаголы коммуникации, полифункциональность, речевое воздействие, функционально-структурное назначение глаголов коммуникации.

The article describes the functional properties of verbs of communication such as communication intentionality, situational orientation, ability to execute microcontext and discourse-pragmatic properties in the English business discourse. The author draws attention to the fact that the study of the functional properties of reporting verbs can be of practical significance to improvenot only business discourse as well as other discourse types.

Key words: verbs of communication, multifunctionality, speech effects, functional and structural designation of verbs of communication.

Современный процесс глобализации сопровождается расширением диапазона международной коммуникации, вербальной основой которой выступает английский язык – общепринятый второй язык [11; 12; 16]. Созданные на сегодняшний день научные, культурные, экономические и деловые отношения между странами и их представителями на базе английского языка подтверждают, что деловое общение является одним из самых распространенных видов коммуникации в условиях формирования глобальной информационной сети [5; 7]. Сама система коммуникации довольно сложный феномен, включающий (но не ограничивающийся) систему языка. Направленное функционирование этой системы определяется таким системообразующим фактором, как ориентированность речевого акта на максимально эффективное выполнение коммуникативных задач.

В структуре речевого акта особое место занимает глагол. Он может отражать как свойства, так и отношения предметов; в то же время он должен отражать движение, развитие как форму их существования [15].

Это двойное предназначение глагольного знака и представляет причину его сложной природы, его многофункциональности, его не только смысловосущей, но и конструирующей (предсказывающей) функции в высказывании. Глагол является организующим центром высказывания, вершиной предложения, согласно вербоцентрической теории предложения [13; 14].

В работах Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, С.Д. Кацнельсона и других известных ученых указывается, что по своему значению глагол представляет компактный образ предложения: он передает не отдельные явления, а ситуации, отношения, действия-отношения и т.п. [1; 4].

Как элемент речи, глагол динамичен и интерактивен по своей природе и не может быть вне процесса взаимодействия человека и его окружения. Всякое речевое действие в своей основе является образом взаимодействия говорящего и объекта говорения. То есть какой бы формы ни был речевой акт, говорящий всегда как бы произносит «я говорю», только это «говорю» приобретает различные модусы значения в зависимости от своей конкретной формы [2]. Наиболее дискретную, ядерную форму выражения этих модусов представляют глаголы коммуникации.

Глаголы коммуникации входят в пласт наиболее употребительной лексики словарного фонда языка [3; 4]. Это обуславливается тем, что глаголы коммуникации структурируют речевую сферу деятельности человека – речь, в свою очередь, как категория психическая отражает остальные виды его деятельности, выполняет коммуникативную, гносеологическую, прагматическую и прочие функции. Как единицы языка в речи эти глаголы активизируют те стороны своего прагма-семантического потенциала, которые важны для достижения определенной цели.

Участие глаголов коммуникации в формировании общей смысловой и прагматической системности произведения речи важно для гармонизации коммуникативной деятельности как порождающей, так и воспринимающей речь сторон. Богатое смысловое наполнение глаголов коммуникации обуславливает их универсальность и многофункциональность, обеспечивает четкое движение системы дискурса к поставленной коммуникативной цели и облегчает процесс взаимопонимания партнеров, приводя его к оптимуму. В плане повышения речевого воздействия на адресата потенциал глаголов коммуникации нельзя недооценивать, что особенно релевантно для делового общения. В деловой сфере объектом коммуникации выступает совместная деятельность, реципиент речевого акта являет собой личность, важную для автора высказывания [5].

Основными задачами коммуникации в данной сфере являются продуктивное сотрудничество, сближение целей и позиций, улучшение партнерских отношений, что оказывает влияние на речевую ситуацию и на лингвокогнитивную модель поведения людей.

Для достижения поставленной цели коммуниканты стараются максимально рационально подобрать и распределить в процессе «движения» дискурса то речевое наполнение, которое окажется наиболее адекватным для восприятия реципиентом и создаст благоприятную среду для продуктивного взаимодействия. Это требует определенной тонкости в выстраивании информационной структуры дискурса и «должно опираться на способность видеть любой текст «стереоскопически»», отмечает Е.В. Пономаренко [8].

В деловом дискурсе глаголы коммуникации в лексическом значении актуализируют семы говорения, мышления, чувства, волеизъявления и другие компоненты значения, что обеспечивает различные коммуникативно-прагматические функции. Например:

Now, what I'm about to tell you I cannot verify or confirm its accuracy. The CEBR predicts that Germany will lose its current top spot in Europe by 2030 (Brian Hicks. How to Get a Free Gun // Wealth Daily)

Данное высказывание известного эксперта Брайана Хикса построено автором таким образом, чтобы снять с себя ответственность за серьезность нелестного мнения в отношении одной из ведущих стран Европы. При этом глаголы коммуникации встроены в контекст так, чтобы реализовать функцию смыслового выдвижения: сочетание 'be about to tell you' выражает прагматическое значение снижения категоричности высказывания; отрицательная форма глаголов verify и confirm придает прагматику неоднозначности и сомнения насчет выражаемого суждения. Таким образом, используя данные глаголы коммуникации, автор, с одной стороны, принимает позицию непредвзятого наблюдателя; с другой

стороны, все же дает читателю пищу для размышлений о предстоящих неблагоприятных последствиях сегодняшних спорных явлений в экономике Германии.

Приведем другие примеры полифункциональности таких глаголов:

In particular Eric Schneiderman highlighted services that allow traders to get faster access to information. (New York's attorney general has called for curbs on services provided to high-frequency traders//BBC NEWS BUSINESS)

Данный пример иллюстрирует нарочитое желание привлечь внимание аудитории к одобрителю и позитивному отношению генерального прокурора штата Нью-Йорк, Эрика Шнейдермана, к предмету высказывания. Глагол коммуникации highlight ориентирует и подводит читателя к положительной оценке полученной информации т. к. в его словарной дефиниции присутствуют компоненты положительной прагматики – привлечь интерес и быть важным [17]. Таким образом, выбор данного глагола, диктуется, вероятно, желанием воздействовать на эмоциональную составляющую восприятия реципиента.

Angela Merkel. Elected for a 3rd term, she will call the shots on how the euro zone evolves with significant implications for the 10 non-euro EU countries such as Britain. (Linda Yueh. Looking ahead to 2014// BBC NEWS BUSINESS)

Корреспондент службы новостей, Линда Юэ, использует идиоматическую единицу call the shots в форме будущего неопределенного времени для оценки интенсивности предполагаемого речевого воздействия и решительности политика по отношению к складывающейся ситуации с 10 странами, не входящими в Еврозону. Такой выбор лексического наполнения высказывания со стороны автора, на наш взгляд, не может быть заведомо истинным или ложным, но он прекрасно иллюстрирует наличие значения субъективной оценки. Уместное использование глагола

в форме Future Indefinite позволяет избежать необходимости указания сроков выполнения обозначенного оратором акта воздействия.

Реже в деловом дискурсе, особенно письменном [6] можно встретить глаголы мимики, жеста, движения и звукоподражания, поскольку в данной сфере коммуникации отдается предпочтение пласту нейтральной лексики:

Qantas Plan Echoes Brutal Restructure by British Airways. (Jamie Freed. Qantas Plan Echoes Brutal Restructure by British Airways // The Australian Financial Review. ABIX via COMTEX)

Выбор глагола echo для описания сложной ситуации в сфере бизнеса авиаперевозок автором раздела, посвященного авиации и туризму, Джеми Фридом связан с желанием драматизировать факт, придать прагматику сопереживания.

Семантическая многоплановость, или семантические обертоны смысла (по Г. О. Винокуру), связана с генерированием различных оттенков смысла:

Brad Haddin, the loyal lieutenant eagerly salutes captain, Michael Clarke (Geoffrey Dean. Brad Haddin, the loyal lieutenant eagerly salutes captain, Michael Clarke // The Times).

Данный пример представляет собой заголовок статьи и должен быть наиболее емким и информативным. Задачей журналиста газеты The Times было изложить смысл довольно объемной статьи в одном предложении, что ему удалось сделать благодаря глаголу salute, который передает значение приветствия, нередко сопровождающегося рукопожатием, зачастую «отдавание чести», если описывается объект военной тематики. Соответственно, использование данного глагола, к тому же в сочетании с наречием eagerly, позволяет читателю сориентироваться, более четко уловить смысл информационного сообщения и даже представить в воображении описываемый акт коммуникации, а автору привлечь внимание со стороны реципиента и добиться желаемого эмоционального

отклика. Более того, в семантической структуре этого глагола есть и значение одобрения, похвалы [18]. Значит, восприятие сообщения реципиентом будет более адекватным, чем, например, при употреблении стилистически нейтрального глагола *greet*.

Интенциональность, или другими словами направленность речевого акта, выражает намерения коммуникатора, подразумевает стремление убедить, вызвать интерес, звучать уверенно, выразить одобрение или сочувствие, что эксплицируется соответствующими глаголами и глагольными конструкциями [8; 9; 10; 15; 17]. Например:

Abe's remarks struck me as total disorder of time and space, making no sense at all. (Wang Yi. Financial Times Transcript of interview by Lifen Zhang)

Здесь коммуникативная функция глагола *strike* в сочетании с качественной характеристикой силы и неожиданности определяет степень прагматического воздействия на реципиента и иллюстрирует его эмоциональное состояние – растерянность и недовольство происходящим.

Универсальность глаголов коммуникации в рамках как грамматики, так и семантики позволяет расширять границы использования языкового материала, облегчает процесс коммуникации, позволяет варьировать способы воздействия на реципиента [4]. Являясь ядром высказывания, глагол коммуникации вводит суждение участников коммуникативного акта в пространство создаваемого ими дискурса, оформляет и формирует его. Кроме того, в случае недостаточно явных внешних и внутренних параметров, формирующих речевую ситуацию, таких как интонация, жесты, эмоциональный фон (например, при восприятии письменного текста), глагол помогает частично их восстановить.

Обобщая характеристику глаголов коммуникации в тексте делового общения, можно выделить следующие функционально-структурные назначения:

- 1) контроль и моделирование вербального взаимодействия на каждом этапе создания высказываний;
- 2) формирование и обеспечение связности пропозициональной структуры;
- 3) распределение ролей коммуникативного акта;
- 4) создание прагматической динамики повествования. Эти функции отражают способность глаголов коммуникации моделировать коммуникативную деятельность, управлять самой коммуникативной деятельностью, организовывать ее определенным образом. Таким путем глаголы коммуникации актуализируют одно из основополагающих свойств речи – динамическую системность дискурса.

Итак, функциональная многоплановость глаголов коммуникации в деловом дискурсе заключается в том, что посредством глаголов говорения реализуется целый спектр задач коммуникативного акта: подведение реципиента к определенному восприятию сообщения путем варьирования оттенков смысла выбираемых единиц, направление его внимания в требуемое русло, выдвижение на передний план смысловых элементов, соответствующих заданной прагматической цели общения, или, наоборот, маскировка нежелательных элементов. Изучение функциональных свойств данной группы глаголов имеет несомненную практическую значимость для совершенствования любого типа дискурса, в том числе делового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 220-227.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
4. Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск, 1989. – С.14.

5. Лейхифф Дж. М., Пенроуз Дж. М. Бизнес-коммуникации. – СПб.: Питер, 2001. – 686 с.
6. Малюга Е.Н. К вопросу о жанрово-стилевой парадигме газетного текста // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. - № 2. – С. 68-71.
7. Малюга Е.Н. Особенности языка и культуры в деловой коммуникации / Е.Н. Малюга. – М.: МАКС Пресс, 2004. – 173 с.
8. Пономаренко Е.В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): Монография. – М.: Академия ФПС России, 1999. – 144 с.
9. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 1 (41). – С. 134-138.
10. Пономаренко Е.В., Радюк А.В. Смысловый синергизм как основа актуализации коммуникативных стратегий и тактик английского делового дискурса // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2013. - № 2 (20). – С. 34-42.
11. Раицкая Л.К. Развитие автономии студента в информационно-образовательной интернет-среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2009. – № 4. – С. 54-58.
12. Раицкая Л.К. Развитие информационной личности в деятельности: энвайронментальная составляющая // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2013. – № 3 – С. 5-13.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
15. Appelt D.E. Planning English Sentences. – Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1985. – 171 с.
16. Crystal D. English as a Global Language. – Cambridge: CUP, 2003. – 212 с.
17. McCarthy M. Discourse Analysis for Language Teachers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 207 с.
18. Merriam-Webster Online Dictionary (MWOD) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 13.05.2014).

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. (1980). To the problem of functional types of lexical meaning, *Aspekyt semanticheskikh issledovaniy – Aspects of semantic reaserches*. Moscow, pp. 220-227.
2. Arutyunova N.D. (1999). *Yazyk I mir cheloveka [The language and world of human]*. Moscow, 896 p.
3. Benvenist E. (1974). *Obschaya lingvistika [General linguistics]*. Moscow, Progress, 446 p.
4. *Leksiko-semanticheskie gruppy glagolov (1989). [Lexocal-semantic groups of verbs]*. Edited by E.V. Kuznetsova. Irkutsk, p. 14.
5. James M. Lahiff, John M. Penrose. (2001). *Business Communication*. S.Petersbourg, Piter, 686 p.
6. Malyuga E.N. (2008). K voprosu o zhanrovo-stilevoy paradigme gazetnogo teksta [Revisiting genre and stylistic paradigm of the newspaper text]. *Vestnik RAO University*. (2), 68-71.
7. Malyuga E.N. (2004). *Peculiarities of language and culture in business communication*. Moscow, MAKC Press, 173 p.
8. Ponomarenko E.V. (1999). *Poyasneniye kak yazykovaya edinitsa [Explanation as a language unit (revisiting functional relations in discourse)]*. Moscow, Akademya FPS of Russia, 144 p.
9. Ponomarenko E.V. (2006) *Sistemnyy podkhod kak metodologicheskaya osnova izucheniya rechevoy deyatel'nosti [Systems approach as methodological foundation of language and speech investigation]*. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, Humanities series*, (1 (41)), 134-138.
10. Ponomarenko E.V., Radyuk A.V. (2013) *Semantic synergism as the basis for actualization of communicative strategies and tactics in English Business discourse*. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*. № 2 (3), 24-30.
11. Raitskaya L.K. (2009) *Development of student autonomy in information-educational internet-environment*. *Vestnik RUDN, series: Psychology and Pedagogic* (4), 54-58.
12. Raitskaya L.K. (2013). *Development of informational individual in activity: environmental component*. *Vestnik RUDN, series: Psychology and Pedagogic* (3), 5-13.
13. Tesniere L. *Elements of structural syntax*. Moscow, Progress, 1988.
14. *Yazykoznanie [Linguistics]. The big encyclopedic dictionary*. (1998). Chief editor N.V. Yartseva. Moscow, Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 685 p.
15. Appelt D.E. (1985). *Planning English Sentences*. Cambridge, etc. Cambridge University Press, 171 p.

16. Crystal D. (2003). English as a Global Language. Cambridge: CUP, 212 p.
17. McCarthy M. 2006. Discourse Analysis for Language Teachers. Cambridge: Cambridge University Press, 207 p.
18. Merriam-Webster Online Dictionary (MWOD) [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed 13 May 2014).

УДК 811

С.Н. Попова

Российский университет дружбы народов

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

COMPUTERISATION AND GAMIFICATION OF SOCIETY: THEIR INFLUENCE ON METHODS OF TEACHING ENGLISH

Статья описывает процесс глобальной компьютеризации и всеобщего тяготения к геймификации; рассматривает период развития текстовых сообщений от смс и icq до появления сленга геймеров, изучение которого может ускорять процесс усвоения новой лексики, а также повышать мотивацию к изучению английского языка.

Ключевые слова: компьютеризация, геймификация, мотивация, сленг, текстовые сообщения.

The article runs about the process of global computerization and the spreading craze of text messaging which has passed through several stages: sms, ICQ and computer games texting. It also considers possible benefits of studying computer games slang in learning English and motivation increase.

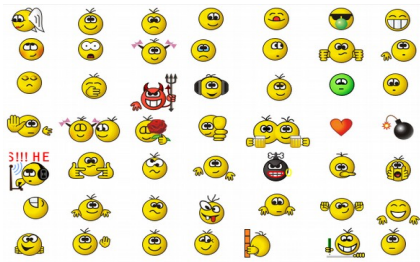
Key words: computerization, gamification, motivation, slang, texting

Мы живём в динамичном мире, где каждый день происходят новые открытия. Одновременно с этим ежедневно можно наблюдать как некоторые понятия и явления отходят на второй план, ввиду своей неактуальности и, как следствие, устаревают. Те же процессы мы наблюдаем и в языке, который, являясь средством общения различных социальных, профессиональных и возрастных групп также подвергается всевозможным изменениям и преобразованиям.

Одним из феноменов современного общения является язык текстовых сообщений изначально представленный в смс и ICQ. Особенно активно сленг кратких текстовых сообщений начал развиваться около десяти лет. Наибольшая динамика наблюдалась в сфере смс. Нередко можно было столкнуться с таким понятием как «язык sms» [1: с. 261] – язык аббревиатур на основе стандартного английского языка. Например, выражения "How are you doing today? Want to go for a coffee later?" (Как дела сегодня? Хочешь выпить кофе попозже?) можно трансформировать как "hi HRU 2day? wnt2go 4 a cofy l8r?" Данный вариант написания позволял передать максимум информации в одном сообщении и экономить на услугах мобильной связи. Более того, он являлся своеобразным шифровальным кодом для молодого поколения, так как был легко понятен подросткам, но труден в прочтении для их родителей.

Позднее, с внедрением сенсорных экранов с широкой клавиатурой, а также понижением стоимости смс отпала необходимость в сокращениях, некогда так модных у современной молодёжи. На смену же ICQ пришёл безлимитный интернет, и новое поколение айфонов и смартфонов с функциями «вайбера» и «вотсапа». Сегодня при обмене текстовыми сообщениями уже не принято употреблять сокращения самих слов. Однако, стало модным заменять эмоции на «смайлики» и целые понятия, на картинку с соответствующим изображением. Причём, происходит это в основном при неформальном общении, для того, чтобы сделать сообщение более эмоциональным и интересным, передать своё расположение к адресату, заинтересованность в общении.

Вот лишь некоторые примеры иконок, передающих различные эмоции и настроение собеседников:

Одновременно с этим происходит развитие компьютерных технологий и возможностей интернета, как следствие, онлайн игры приобретают широкую популярность. Этому увлечению отдают предпочтения миллионы людей во всём мире независимо от пола, возраста и рода занятий. В процессе игры все сообщения, которыми обмениваются члены команды, должны быть максимально информативными и краткими, так как время для принятия общего решения и разработки стратегии действий ограничено, от этого также зависит и положительный исход игры. Как следствие, начинает стремительно развиваться сленг геймеров, обрастая всё новыми словечками, полностью понятными только игрокам со стажем.

Первоначально из-за ограничения по количеству символов в строке сообщений (10 символов) а теперь лишь из-за экономии времени на общение во время динамичной игры, геймеры стали широко использовать всевозможные сокращения, аббревиатуры и цифровые обозначения.

Среди таких сокращений встречаются и широко известные, можно сказать, общепринятые в языке текстовых сообщений:

2 (to) – к, что-то адресовано кому-то конкретному; например, «2 Вася, го на кач» – перевод: «Василий, пойдём прокачивать наших персонажей».

4 (for) – для; «4 Вася: 100 дудника, 4 Петя: 5 зубов» – перевод: «Для Василия в нашем банке отложено сто единиц дудника, а для Петра – пять зубов».

AKA (Also known as) – «также известен как». Например, «Вася Иванов ака Носорог».

BTW (By the way) – между прочим, кстати.

AFAIK (As far as I know) – насколько мне известно.

FAQ (Frequently asked questions) – часто задаваемые вопросы.

ИМНО (In my humble opinion) – По моему скромному мнению.

OMG (oh my god) – боже мой!

WTB – хочу купить.

WTS – хочу продать.

Также широко используются сокращения присущие, в основном, языку компьютерщиков и программистов

BRB (be right back) – скоро вернусь.

NC (no comment) – без комментариев.

AFK (Away from the keyboard, АФТК) – «вдали от клавиатуры», т.е. меня нет за клавиатурой.

Иногда, можно стать свидетелем изменения развития семантического поля в силу лингвистической ошибки и элементарного незнания. Например:

LOL (Lots of laugh, laughing out loud) «Я громко смеюсь», «Смешно» или «Хаха!», безобидное выражение, означающее смех. Многие начинающие игроки не знают истинного значения этого выражения и используют его как оскорбление. Например, «Ты лол!», подразумевая при этом «лох онлайн».

Существует немало сокращений, которые имеют особую расшифровку, понятную лишь геймерам, так как у них накоплен богатый опыт общения в сети, им известны модели поведения виртуальных персонажей в ходе игры:

B/S – одновременно покупаю и продаю что-то.

AoE (Area of effect) – заклинания массового поражения с уроном по площади.

DD, *Дамагер*, *ДД* – персонаж, основная работа которого заключается в нанесении урона (дамага – от англ. damage).

DP (Divine Power) – «Божественная сила», очки своеобразной «ярости», накапливающаяся у игроков после 10-го уровня, которая позволяет использовать умения особой разрушительной мощности.

IDDQD – код бессмертия в игре «DOOM». Обычно произносится в шутку, перед атакой.

Уже на этом этапе существует возможность возникновения недопонимания, особенно среди людей не геймеров. Чтобы избежать этого и по мере возможностей помочь новичкам, составляются целые словари сленга. Причём, в силу того, что многие понятия быстро устаревают или же появляются новые, словарь выкладывается в один из чатов, форумов, для всеобщего обозрения, где можно вносить предложения по редактированию содержимого, предварительно дав обоснование своей точке зрения.

В таких словарях¹ встречаются пояснения компьютерных тонкостей:

Баг, бага (bug: жук, клоп) – системная ошибка, ошибка на программном уровне. Баги бывают вредные (внезапное исчезновение вещей из склада) и полезные (проницаемость стен в определенных местах). Следует отличать баг от лага.

Лег – задержка между отправкой чего-либо к серверу и получением от него ответа.

Иногда, чтобы понять объяснение всего одного слова, необходимо знать десяток других. Например:

Данж (Dungeon)² – отдельная локация с мобами и боссами, с которых падает весьма ценный лут. Предназначена для прохождения более чем одним игроком. Чаще всего является инстом.

После прочтения такого определения, неопытному игроку для начала следует обратить внимание на следующие пояснения:

¹ <https://4gameforum.ru/showthread.php?t=2314>

² <https://4gameforum.ru/showthread.php?t=2314>

Моб (mobile object mob) – животное, мутант, демон, управляемый игрой. Их нужно уничтожать, чтобы получить опыт, лут (добычу) или выполнить необходимые квесты (задания). Пассивные мобы иногда называются «кабанчики», агрессивные – «агро». Также существуют социальные мобы, превращающиеся из пассивных в агро, если неподалеку бьют их сородичей, они же «ассист-мобы».

Босс – уникальный, исключительно сильный монстр в локации. Обычно имеет собственное имя и свиту мобов помельче. С боссов можно выбить хорошие нужные вещи. Обычно для того, чтобы победить боссов необходимы четко слаженные усилия сразу нескольких человек: танк (игрок с хорошими защитными характеристиками) принимает основной удар на себя, хилер (целитель) лечит танка, дамагеры (нападающие игроки) наносят боссу урон, стараясь не сагрить (отвлечь его внимание) на себя. Для убийства особо сильных боссов необходимы усилия десятков, а порой и сотен человек. Названия боссов в разных играх отличаются. Например: рейдбосс (Линейка), питбосс (РФО) и т. п.

Лут (loot: добыча) – предметы, подбираемые с мобов (и, иногда, убитых игроков). Синонимы: дроп, хабар.

Инст, инстанс – изолированная локация, которая создается отдельно для каждой заходящей в нее группы.

Очевидно, что потребуется немало времени, чтобы полностью овладеть специальной терминологией игры и стать полноценным членом одной из команд. Чаще всего, штудирование подобных «онлайн словарей» не требует знания английского языка, так как около 75% слов, входящих в такие «списки», представляют собой лишь транслитерацию слова, без уточнения его значения и способа словообразования. Восприятие такой лексики, как правило, пассивно, а время усвоения прямо пропорционально времени, затраченному на онлайн игры и общение в сети.

Пытаясь противостоять пассивному восприятию информации, а также извлечь максимум пользы от данного модного на сегодняшний день времяпрепровождения, мы считаем целесообразным ввести более сознательный подход к изучению данных слов. Мы предлагаем объяснять языковые процессы, в результате которых образовалось то или иное понятие, приводя примеры из этимологических словарей, описывая семантические параллели, а также предоставляя пояснения относительно некоторых особенностей и правил компьютерной игры.

Приведём пример из словаря «геймера»: «Целитель = клер, прист, хил, хилер, жрец, жряка»³. Не зная английского языка трудно понять и усвоить четыре из шести приведённых слов. Если же представить материал иначе:

Клер – от английского *cleric*, заимствовано из латинского «*clericus*» – духовное лицо, церковник; *Присм* – от английского *priest*, ранее «*preost*», образовано от латинского «*presbyter*» – священник, жрец (служители церкви, которые, как правило, являются целителями по условиям игры).

Хил – от *to heal* - лечить; *хилер* – от *healer* - знахарь, лекарь;

Слово *to heal* образовано от древнеанглийского слова *hælan*, что означало «лечить, спасать, собирать по частям».

Такой способ предоставления лексики будет способствовать более глубокому пониманию семантики слов, их способа образования и перевода, тем самым повышая интерес к изучению английского языка.

Так как, во-первых, будучи новичком и подойдя осознанно к изучению сленга геймеров можно значительно расширить свой вокабуляр, особенно если играть в оригинальные версии на английском языке.

Во-вторых, преподаватель, разбирающийся в терминах игры, сможет повысить свой авторитет среди студентов, а интерес к личности преподавателя также повысит интерес и к его предмету.

³ <https://4gameforum.ru/showthread.php?t=2314>

В-третьих, следует учитывать всеобщую тенденцию к геймификации. Мы считаем возможным создание интересной интерактивной образовательной игры, где в качестве ключа для прохождения на новый уровень будет необходимо загрузить выполненное домашнее задание, или вместо разнокалиберного оружия будут использоваться грамматические и синтаксические структуры различной сложности. А при проставлении зачёта по дисциплине, будет высвечиваться следующее сообщение: GG (Good Game!).

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова С.Н. Язык текстовых сообщений // Вопросы прикладной лингвистики. Выпуск 3. – М. РУДН, 2010. – С. 261.
2. <http://te-st.ru/2012/12/21/gamification-education/>
3. Tom Chatfield Fun Inc. Why Gaming Will Dominate The Twenty First Century. – Pegasus Books. New York 2010.

REFERENCES

1. Popova S.N. (2010). Language of text messages // Voprosy prikladnoj lingvistiki. (3). – M. PFUR, 2010. – P. 261.
2. <http://te-st.ru/2012/12/21/gamification-education/>
3. Tom Chatfield Fun Inc. Why Gaming Will Dominate The Twenty First Century. – Pegasus Books. New York 2010.

УДК 37(378)

Д.А. Шевлякова

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖФАКУЛЬТЕТСКОГО КУРСА
«КУЛЬТУРА ИТАЛИИ СКВОЗЬ ВЕКА: ИСКУССТВО ЖИЗНИ»**

**EXPERIENCE OF CREATION OF AN INTERFACULTY COURSE
"CULTURE OF ITALY THROUGH CENTURIES: THE ART OF LIFE"**

В статье рассматривается методический алгоритм межфакультетского курса «Культура Италии сквозь века: искусство жизни». Статья содержит ряд методических соображений по проектированию и ведению трансдисциплинарного курса по страноведению: определенность предмета курса, выявление концептуальной системы национальной идентичности, лекционная привязка определенных концептов, создание опорного ресурса в социальных сетях для самостоятельной работы и интерактивного общения.

Ключевые слова: межфакультетский курс, Италия, культура Италии, интердисциплинарный подход в страноведении, национальная идентичность, ресурс в социальных сетях.

In the article is considered the methodical algorithm of an interfaculty course "Culture of Italy through centuries: life art". The article contains a number of methodical reasons on design and teaching a transdisciplinary course on regional geography: definiteness of a subject of a course, identification of conceptual system of national identity, lecture binding of certain concepts, creation of a basic resource on social networks for independent work and an interactive communication.

Keywords: interfaculty course, Italy, culture of Italy, interdistsiplinary approach in regional geography, national identity, resource on social networks.

Статья посвящена опыту проектирования и ведения межфакультетского курса «Культура Италии сквозь века: искусство жизни», прочитанного в весеннем семестре 2014. Межфакультетские курсы (далее – аббревиатура «МФК») были введены весной 2013 г. по инициативе ректора Московского университета академика РАН В.А. Садовниченко с целью подтверждения на практике основного принципа университетского образования – оно потенциально нацелено на универсальность познания мира и человека, а не только на предметно-профессиональную сторону образования. Суть межфакультетских курсов заключается в том, что студент любого факультета от биологического до философского может выбрать один из предложенных на выбор курсов, которые читают ведущие профессора МГУ, записаться на курс в режиме on-line на странице МФК [2, с.1-20] прослушать его во время, встроенное в сетку расписания (среда, 15.00,

17.00) и получить по нему зачет с последующим занесением оценки в диплом. Данные курсы являются обязательными для студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата и первого курса магистратуры. В качестве факультатива его могут посещать и студенты всех остальных курсов.

В весеннем семестре лекторами МФК было подано заявки на 185 курсов, по результатам электронной записи студентов функционировал 151 курс. Какие же межфакультетские курсы оказались наиболее востребованными и почему? Рассмотрим 15 межфакультетских курсов с наибольшей посещаемостью. Теоретически можно было бы предположить, что лидировать будут курсы по экономике, но подобное предположение, как мы увидим, обедняет образ современного студента, да и вообще не соответствует действительности. На первое место по количеству записавшихся студентов вышел курс, предложенный физическим факультетом, – «Общая астрономия» (1681 слушателей), на втором месте – МФК геологического факультета «Земля вчера – сегодня – завтра или что мы знаем о земле?» (704 слушателя), на третьем месте МФК исторического факультета «Россия в XX веке: события и люди» (584 слушателя), на четвертом месте – МФК экономического факультета «Современный маркетинг и брендинг» (534 слушателя), пятое место – МФК факультета журналистики ««Американский век»: культура США и ее мировое значение в XX веке» (530 слушателей), шестое место – МФК факультета журналистики «История кино» (469 слушателей), седьмое место МФК факультета иностранных языков и регионоведения «Культура Италии сквозь века: искусство жизни» (415 слушателей), восьмое место – МФК философского факультета «Философия психиатрии и психической болезни» (331 слушатель), девятое место – МФК Высшей школы бизнеса МГУ «Международная логистика» (272 слушателя), десятое место – МФК филологического факультета «Уильям Шекспир в историко-культурной традиции: загадки, мифы, реальность. К 450-летию со дня рождения

великого поэта и драматурга», одиннадцатое место – МФК исторического факультета «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» (241 слушатель), двенадцатое место – МФК физического факультета «Современная астрофизика» (231 слушатель), тринадцатое место – МФК экономического факультета «Разумное финансовое поведение» (221 слушатель), четырнадцатое место – МФК исторического факультета «Основы средневековой цивилизации» (214 слушателей), пятнадцатое место – МФК биологического факультета «Мозг, интеллект, поведение и язык: от животных до человека» (198 слушателей) [3, с.2].

И наоборот, представим для сравнения пять межфакультетских курсов с наименьшим количеством слушателей: «Российская диаспора и возвратные миграционные процессы» (4 слушателя), «Безбарьерная среда в образовании» (3 слушателя), «Питание декоративных культур» (3 слушателя), «Фундаментальные проблемы биогеохимии» (2 слушателя), «Природопользование и охрана окружающей среды» (2 слушателя), «Макромолекулы в современном мире» (1 слушатель).

Первое практическое соображение, которое можно сделать, анализируя специфику предложенных межфакультетских курсов, – студенты выбирают интересное название, но такое название, за которым был бы ясно виден предмет лекционного курса. Причем, предмет не должен быть дан ни слишком широко («Природопользование и охрана окружающей среды»), ни слишком узко-специализированно («Макромолекулы в современном мире»).

Если попытаться обобщить внутренние запросы большинства студентов, которые выбрали один из пятнадцати наиболее популярных курсов, то их можно систематизировать в четыре тематические мега-группы, с условными названиями: «Вселенная, звезды и наша Земля: или каково наше место во Вселенной?», «Практическая экономика или как преуспеть в современной действительности?», «Наша история или откуда мы пришли и

почему мы именно такие, какие есть?», «*Интересное* или что занимает мозг человека, если он уже получил для себя ответы на предыдущие вопросы». Обобщенный образ студента, который возникает перед мысленным взором, достаточно открытый, далекий от стабильности и самоуверенности: сегодняшнего молодого человека волнуют вопросы, на которые не так-то просто найти ответы: одни ли мы во Вселенной? Почему мы такие, какие мы есть, как нас сформировала национальная и всемирная история? Как выжить и преуспеть? И только последняя категория не предполагает экзистенциальных метаний, а направлена на ознакомление с выдающимися этапами или деятелями мировой культуры (МФК «История кино» и «Уильям Шекспир в историко-культурной традиции»), или, что более интересно, направлена на усвоение моделей другой культуры, которая мыслится как максимально продуктивная для современности (в нашем случае – это Америка и Италия, МФК ««Американский век»: культура США и ее мировое значение в XX веке» и «Культура Италии сквозь века: искусство жизни»).

Следовательно, второе практическое соображение для проектирования межфакультетского курса – он либо должен давать ответы на экзистенциальные вопросы, интересующие большинство, либо предлагать культурные модели или образцы, которые по той или иной причине востребованы у современных студентов. В последнем случае, если мы говорим о странах, задающих определенную тенденцию в развитии современного мирового сообщества, то надо давать в названии то, что характеризует страну в коллективном сознании (коллективном бессознательном). К примеру, Италия для большинства людей – это культура и искусство, данные ключевые концепта обязательно должны присутствовать в номинации курса. А то «облако» концептов, которые сопровождает ключевые: красота, мода, курорты, радость, праздник жизни

– необходимо заложить в программу курса, которая вывешивается на странице МФК заранее и просматривается студентами при выборе курса.

В курсе «Культура Италии сквозь века: искусство жизни» эти сопровождающие концепты были заложены в заголовки двенадцати лекций: 1) Италия? Приятно познакомиться! Города Италии; 2) Италия туристическая: элитные и массовые курорты Италии; 3) Италия цветущая: виллы, сады и парки, замки; 4) Италия празднующая: католические и народные праздники; 5) Италия пирующая: гастрономическая система в диахронии и синхронии; 6) Италия блистательная: высокая мода, секреты успеха мультибренда «Made in Italy»; 7) Италия человеческая: итальянский национальный характер; 8) Маленькая Италия – большому миру: вклад в европейскую культуру; 9) Великие итальянцы прошлого – нам, современным; 10) Блистательные аристократические семьи Италии и их артистическое окружение; 11) Поэты и композиторы Италии о любви; 12) Живопись в движении: итальянское кино [4, с.1]. В целокупности вся эта пестрая мозаика из тем складывается в единую картину итальянской национальной идентичности, это тот комплекс представлений, который у нации ассоциируется с собственной сущностью и который нация готова ретранслировать миру [1, с. 75].

Из личного опыта мне представляется определенной методической находкой, как удалось представить великих итальянцев в программе курса, а затем и в лекционном материале. В лекции с названием «Великие итальянцы – нам, современникам» было предоставлено слово самим великим итальянцам, то есть были размещены цитаты интригующего или парадоксального характера, которые сопровождали вопросы открытого типа. К примеру, была дана цитата из Никколо Макиавелли: «Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими», а далее был задан вопрос:

«Размежевание политики и этики: изобретение Макиавелли или честное признание существующей практики?»).

Третье практическое соображение: так как курс читается не для специалистов, но должен быть хорошего академического уровня, то в одной лекции не следует помещать более одного-двух теоретических или исторических положений, иначе слушателям будет трудно отслеживать не знакомый им фактографический материал, а параллельно усваивать еще и определенные идеи. К примеру, в первой лекции, посвященной городам Италии, таких идей две: римская матрица итальянского города (городские стены, планировка улиц по принципу карда и декумануса, форум, амфитеатр, триумфальная въездная арка), на которую потом накладываются средневековые градостроительные доминанты (Собор, здания властей, центральная площадь, башни аристократических семейств), а эпоха Возрождения увенчивает это все куполами и одевает в мрамор.

Четвертое практическое соображение: если слушателей много, то отвечать на вопросы после лекции достаточно проблематично: геологов интересует геотектоническая карта Италии, социологов – социальная стратификация итальянского общества и т.д. Следовательно, для «живого» общения с лектором необходимо создать группу в соцсетях, которую можно использовать не только для ответов на вопросы, но и для размещения литературы к каждой лекции, карт, фотографий, аудиозаписей, видеороликов, а также для составления самостоятельных работ, которые будут доступны в данной группе участникам группы и также будут являться обучающим материалом [5, с. 1-15]. Так как наиболее популярные лекции межфакультетских курсов идут под обязательную централизованную видеозапись, то эти видеозаписи также можно продублировать в группе, обязательно указав официальный портал ВУЗа, на котором они размещены [6, с. 1-22].

И наконец, последнее соображение педагогического характера. Помимо собственно обучающего компонента образования, должен бы наличествовать и воспитательный компонент, преподаватель должен сеять разумное, доброе и вечное. Вот только что включает в себя современная триада «разумное, доброе и вечное»? И как раз межфакультетский курс, который менее связан профессиональной целесообразностью, помог мне сформулировать воспитательное послание: нужно и можно показать на конкретных примерах, что познание может быть добровольным и интересным. Более того, познание – это самое интересное, что есть в жизни и познание – одна из самых «долговечных» процессов, потому что материала всегда более чем достаточно. Познание может и не диктоваться суровой жизненной необходимостью приобрести профессиональные навыки для выживания в социуме, оно может быть «браком по любви» и тогда его функция чуть сдвигается: оно должно расширять горизонты личности и обогащать ее, тогда можно говорить и о качестве личности. И, безусловно, разработка подобного межфакультетского курса в первую очередь обогащает и самого лектора, так как большинство материала нужно давать синтетически и обзорно, с высокой степенью обобщения, что позволят лектору выявить на новом уровне константы национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевлякова Д.А. Итальянский национальный флаг. Государственная символика и национальная идентичность // Вестник Московского университета. – Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. - № 4. С. 72-79.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

2. Официальная страница межфакультетских курсов МГУ: <https://mfk.msu.ru/spring.php>.
3. Страница «Статистика межфакультетских курсов»: <https://mfk.msu.ru/statistics.php>, данные приведены на 20.04.2014.

4. Программа курса «Культура Италии сквозь века: искусство жизни» на официальной странице МФК: <http://mfk.msu.ru/attachment/371/program&questions.pdf>
5. Группа МФК «Культура Италии сквозь века» в социальной сети «ВКонтакте»: [:http://vk.com/club66756197](http://vk.com/club66756197).
6. Видеозапись лекций МФК «Культура Италии сквозь века» на официальном медиапортале МГУ: <http://media.msu.ru/?cat=184>.

REFERENCES

1. Shevliakova D.A. (2010). Italian national flag. State symbolics and national identity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 19 «Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia»* (4), 72-79.

INTERNET SOURCES

2. Official page of interfaculty courses of the MSU <https://mfk.msu.ru/spring.php>.
3. Page of statistics of interfaculty courses <https://mfk.msu.ru/statistics.php>, data for 20.04.2014.
4. The course program "Culture of Italy through centuries: life art" on the official page interfaculty courses: <http://mfk.msu.ru/attachment/371/program&questions.pdf>.
5. IFC group "Culture of Italy through centuries" on a social network «VKontakte»: <http://vk.com/club66756197>.
6. Video of lectures of IFC "Culture of Italy through centuries" on an official media portal of the MSU <http://media.msu.ru/?cat=184>.